

Артур Конан
ДОЙЛ

ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ШЕРЛОКА
ХОЛМСА

Шерлок Холмс

Артур Конан Дойл

Приключения Шерлока Холмса

«ЭКСМО»

1887-1927

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Дойл А. И.

Приключения Шерлока Холмса / А. И. Дойл — «Эксмо»,
1887-1927 — (Шерлок Холмс)

ISBN 978-5-04-090040-4

Английский писатель, публицист и журналист Артур Конан Дойл вошел в мировую литературу в первую очередь как создатель самого Великого Сыщика всех времен и народов – Шерлока Холмса. Благородный и бесстрашный борец со злом, обладатель острого ума и необыкновенной наблюдательности, с помощью своего дедуктивного метода сыщик решает самые запутанные головоломки, зачастую спасая этим человеческие жизни. Он гениально перевоплощается, обладает актерским даром и умеет поставить эффектную точку в конце каждого блестяще проведенного им расследования.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-090040-4

© Дойл А. И., 1887-1927
© Эксмо, 1887-1927

Содержание

Этюд в багровых тонах	6
Часть I	6
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	16
Глава четвертая	22
Глава пятая	26
Глава шестая	29
Глава седьмая	34
Часть II	40
Глава первая	40
Глава вторая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Артур Конан Дойл

Приключения Шерлока Холмса

© Бабков В., перевод на русский язык, 2019

© Гурова И., перевод на русский язык. Наследники, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Этюд в багровых тонах

Часть I

Из воспоминаний доктора Джона Х. Уотсона, отставного офицера медицинской службы

Глава первая

МИСТЕР ШЕРЛОК ХОЛМС

В 1878 году я получил степень доктора медицины в Лондонском университете и отправился в Нетли на курсы подготовки военных врачей. По окончании занятий я был сразу же зачислен младшим врачом в Пятый Нортумберлендский стрелковый полк. В ту пору он размещался в Индии, но не успел я туда приехать, как разразилась вторая война с Афганистаном. Сойдя с корабля в Бомбее, я обнаружил, что мой полк уже перевалил через горную цепь и находится далеко на вражеской территории. Вместе с другими офицерами, попавшими в такое же положение, я пустился вслед за своим полком, благополучно нагнал его в Кандагаре и немедленно приступил к выполнению своих новых обязанностей.

Многим эта кампания принесла награды и почести, однако мне достались лишь невзгоды и разочарования. Меня перебросили из Нортумберлендского полка в Беркширский, с которым я участвовал в роковой битве при Майванде. Там меня ранило в плечо пулей из кремневого мушкета – она раздробила мне кость и слегка задела подключичную артерию. Я наверняка угодил бы в лапы беспощадных гази¹, если бы не верность и мужество моего ординарца Марри, который взвалил меня на вычужную лошадь и сумел доставить живым в расположение британских войск.

Измученный болями и ослабевший от перенесенных испытаний, я вместе с целой толпой других раненых страдальцев был отправлен на поезде в Пешавар, где находился наш базовый госпиталь. Там мне полегчало; я уже стал потихоньку бродить по коридорам и даже выбираться на веранду, чтобы погреться на солнышке, но тут меня свалил брюшной тиф, этот бич наших индийских владений. Несколько месяцев я был почти безнадежен, а когда наконец пришел в себя и начал понемногу выздоравливать, моя слабость и истощенность заставили медкомиссию принять решение о моей скорейшей отправке обратно к родным берегам. Меня взяли на борт транспортного судна «Оронт», и спустя месяц я высадился в Плимутской гавани с непоправимо подорванным здоровьем и разрешением отечески заботливого правительства провести ближайшие девять месяцев в попытках его восстановить.

У меня не было в Англии ни родных, ни близких, так что я был свободен как ветер – точнее, как человек, которому положено сводить концы с концами на одиннадцать с половиной шиллингов в день. Естественно, меня потянуло в Лондон, эту огромную выгребную яму, куда неизбежно стекаются лентяи и бездельники со всей империи. Там я снял номер в маленькой гостинице на Стрэнде и некоторое время влачил тягостное и бессмысленное существование, тратя свои жалкие средства гораздо менее осторожно, чем следовало бы. Вскоре состояние моих финансов сделалось настолько угрожающим, что я понял: надо либо уезжать из столицы и прозябать где-нибудь в провинции, либо круто менять образ жизни. Выбрав последнее, я

---

¹ Гази – участники газавата, войны мусульман с неверными (здесь и далее – прим. перев.).

решил для начала оставить гостиницу и подыскать себе какое-нибудь другое, не столь претенциозное и разорительное обиталище.

В тот самый день, когда было принято это решение, я стоял в баре «Критерион» и вдруг почувствовал на своем плече чью-то руку. Обернувшись, я узнал молодого Стамфорда, который когда-то работал со мной фельдшером в больнице Св. Варфоломея. Увидеть дружеское лицо в бескрайних дебрях Лондона – настоящий подарок судьбы для одинокого человека. Мы со Стамфордом никогда не были закадычными приятелями, но теперь я приветствовал его весьма пылко, да и он, кажется, обрадовался нашей встрече. На радостях я пригласил его отобедать со мной в «Холборне», и мы сразу поехали туда в наемном кабриолете.

– Что вы с собой сделали, Уотсон? – спросил он с неприкрытым удивлением, когда мы катили по людным столичным улицам. – Вы худой как щепка и желтый как лимон!

Я вкратце описал ему свои злоключения, едва успев уложиться до приезда в ресторан.

– Бедняга! – с сочувствием воскликнул он, выслушав мой рассказ. – И чем же вы заняты теперь?

– Ищу жилье, – отвечал я. – Пытаюсь выяснить, можно ли снять приличную квартиру за умеренную плату.

– Вот странно, – заметил мой спутник, – сегодня вы уже второй, от кого я слышу в точности эти самые слова.

– А кто был первым? – спросил я.

– Один мой знакомый, который работает в химической лаборатории при больнице. Нынче утром он сетовал на то, что не может найти себе партнера, – говорил, что отыскал симпатичную квартирку, но она, как назло, ему не по карману.

– Отлично! – воскликнул я. – Если он и правда хочет разделить с кем-нибудь жилье и расходы, я как раз тот, кто ему нужен. По мне, жить в компании намного веселее, чем одному.

Пригубив вино, молодой Стамфорд бросил на меня странный взгляд.

– Вы еще не знаете Шерлока Холмса, – сказал он. – А то, может, и не захотели бы жить с ним вместе.

– Чем же он плох?

– Я не говорю, что он плох. Просто чудак – энтузиаст некоторых областей науки. А вообще-то, насколько мне известно, человек он порядочный.

– Учится на врача? – предположил я.

– Да нет... я понятия не имею, какие у него планы. По-моему, он хорошо знает анатомию, а химию еще лучше, но, если не ошибаюсь, он не оканчивал никаких медицинских курсов. Изучал то одно, то другое по какой-то загадочной, одному ему ведомой системе, и в результате накопил уйму самых неожиданных знаний, которые наверняка порядком удивили бы его профессоров.

– И вы никогда не спрашивали, зачем ему все это нужно? – любопытствовал я.

– Нет. Из Холмса нелегко что-нибудь вытянуть, хотя, если на него найдет такой стих, он может быть довольно общительным.

– Рад буду с ним познакомиться, – сказал я. – Если уж надо с кем-то делить квартиру, я предпочел бы человека тихого, увлеченного наукой. Я еще чересчур слаб для того, чтобы выносить шум и суету. В Афганистане у меня было этого столько, что хватит на весь оставшийся век. Когда вы могли бы свести меня с вашим приятелем?

– Скорее всего, он сейчас в лаборатории, – отозвался мой собеседник. – Он либо не появляется там целыми неделями, либо трудится с утра до вечера. Если хотите, заглянем туда вместе после обеда.

– Договорились, – ответил я, и наш разговор перешел в другое русло.

Покинув «Холборн», мы поехали в больницу, причем по дороге Стамфорд сообщил мне еще кое-какие подробности о человеке, с которым я собирался жить бок о бок.

– Имейте в виду, если вы с ним не уживетесь, я не виноват, – сказал он. – Я знаю его только потому, что иногда сталкиваюсь с ним в лаборатории. Вы сами напросились на эту встречу, так что в случае чего пеняйте на себя.

– Если мы не поладим, разойтись будет несложно. Однако мне сдается, – добавил я, в упор глядя на своего спутника, – что вы почему-то хотите умыть руки. Неужели у этого малого такой отвратительный характер, или что там еще? Признавайтесь сразу, не надо ходить вокруг да около.

– Трудно выразить невыразимое, – ответил он со смехом. – На мой вкус, Холмс слишком уж одержим жадной познания – настолько, что это граничит с бездушием. Вполне могу представить себе, что он угостит друга щепоткой недавно открытого растительного алкалоида – не со зла, понимаете, а просто из научного любопытства, чтобы лучше понять, как он действует. Правда, надо отдать ему должное, он и сам примет его с той же готовностью. У него прямо-таки страсть к строгим, неопровержимым фактам.

– Что ж, это похвально.

– Пожалуй, но всему есть пределы. Согласитесь, когда человек избивает тростью покойников в прозекторской, его любознательность принимает несколько странную форму.

– Он избивает покойников?

– Да, чтобы проверить, появятся ли у них синяки. Я наблюдал это собственными глазами.

– И вы говорите, что он не собирается стать врачом?

– Нет. Одному Богу известно, какие у него цели. Но вот мы и на месте – теперь смотрите и судите сами.

В этот момент мы свернули на узкую аллею, а потом вошли через боковую дверь в крыло огромной больницы. Все здесь было так хорошо мне знакомо, что я вполне мог бы найти дорогу и сам; мы поднялись по унылой каменной лестнице и зашагали по длинному коридору с белеными стенами мимо серо-коричневых дверей. Низкая арка почти в самом конце коридора вела в химическую лабораторию.

Это было помещение с высоким потолком и стеллажами, забитыми бесчисленными банками и склянками. Там и сям стояли низкие широкие столы, оцетинившиеся ретортами, пробирками и бунзеновскими горелками с мерцающими голубоватыми язычками. В комнате находился только один человек – он склонился над дальним столом, поглощенный своим делом. Услышав наши шаги, он обернулся и с радостным восклицанием вскочил на ноги.

– Я нашел его! Нашел! – крикнул он моему спутнику и кинулся к нам с пробиркой в руке. – Вот реактив, который осаждается только гемоглобином и больше ничем! – Если бы он нашел золотую жилу, его лицо не могло бы ярче светиться счастьем.

– Доктор Уотсон, мистер Шерлок Холмс, – представил нас Стамфорд.

– Здравствуйте! – сердечно сказал мой новый знакомый, пожимая мне руку с силой, которой я никак не мог в нем заподозрить. – Я вижу, вы побывали в Афганистане.

– Откуда вы знаете? – изумился я.

– Это пустяки, – усмехнувшись, сказал он. – Сейчас главное – гемоглобин. Вы, без сомнения, понимаете важность моего открытия?

– С точки зрения химика это, наверное, интересно, – ответил я. – Но практически...

– Боже ты мой, да для судебной медицины это самое важное открытие за последние несколько лет! Разве вы не видите, что оно дает нам абсолютно надежный тест на кровяные пятна? Подите-ка сюда! – Он нетерпеливо схватил меня за рукав и увлек к столу, за которым работал. – Возьмем немного свежей крови, – с этими словами он уколол себе палец длинной иглой и собрал пипеткой выступившую каплю. – Теперь я растворяю это ничтожное количество крови в целом литре воды. Мы видим, что полученный раствор выглядит как чистая вода, не так ли? Содержание крови здесь не больше одной миллионной. И тем не менее я уверен, что мы сможем наблюдать характерную реакцию.

Он бросил в сосуд несколько белых кристалликов, а затем добавил туда каплю-другую какой-то прозрачной жидкости. В тот же миг вода в стеклянной банке приобрела мутно-красный цвет, а на ее дне стал собираться коричневый осадок.

– Ха-ха! – воскликнул он, хлопая в ладоши, точно восторженный ребенок при виде новой игрушки. – Как вам это нравится?

– Похоже, реактив очень чувствительный, – заметил я.

– Прекрасный! Прекрасный! Старый тест с гваяковой смолой очень неудобен и ненадежен. То же самое можно сказать о проверке на наличие кровяных телец с помощью микроскопа. Последняя вообще бессмысленна, если пятна появились хотя бы несколько часов назад. А этот анализ, по-видимому, годится для любой крови, когда бы она ни была пролита. Если бы его придумали раньше, сотни людей, которые сейчас спокойно гуляют по белу свету, уже расплатились бы за свои преступления.

– Неужели? – пробормотал я.

– Уголовные расследования то и дело упираются в эту проблему. К примеру, человек попадает под подозрение через несколько месяцев после того, как было совершено преступление. Проверяют его белье или одежду и находят на них бурые пятна. Что это – кровь, грязь, ржавчина, фруктовый сок или еще что-нибудь? Этот вопрос ставил в тупик многих экспертов, а почему? Да потому, что у них не было надежного теста. Зато теперь у нас есть тест Шерлока Холмса, и все трудности позади!

Глаза его буквально сверкали; он положил руку на грудь и поклонился, словно отвечая на аплодисменты невидимой толпы.

– Вас можно поздравить, – промолвил я, немало удивленный его энтузиазмом.

– В прошлом году во Франкфурте был арестован фон Бишофф. Его бы наверняка повесили, если бы следствие имело возможность прибегнуть к моему тесту. А Мейсон из Бредфорда, а пресловутый Мюллер, а Лефевр из Монпелье, а Сэмсон из Нового Орлеана? Я помню десятки случаев, в которых это могло бы сыграть решающую роль.

– Да вы прямо ходячий справочник по преступлениям, – со смехом заметил Стамфорд. – Я бы на вашем месте попробовал издавать газету. Назовите ее «Полицейские вести прошлого».

– И это было бы очень увлекательное чтение, – откликнулся Шерлок Холмс, заклеивая след от укола на пальце маленьким кусочком пластыря. – Мне приходится соблюдать осторожность, – продолжал он с улыбкой, повернувшись ко мне. – Я ведь частенько вожусь с разными ядами. – Он вытянул руку, и я увидел, что вся она залеплена такими же кусочками пластыря и испещрена белесыми пятнышками от попавших на кожу сильных кислот.

– Мы пришли по делу, – заявил Стамфорд, усаживая ясь на высокий трехногий табурет и ногой подталкивая ко мне второй. – Моему другу нужна крыша над головой, а поскольку вы жаловались, что не можете найти себе ком паньона, я подумал, что неплохо было бы вас познакомиться.

Похоже, Шерлоку Холмсу понравилась перспектива разделить со мной жилище.

– Я присмотрел одну квартиру на Бейкер-стрит, – сказал он. – Лучше и желать нельзя. Надеюсь, вы не против запаха крепкого табака?

– Я сам курю «Корабельный», – ответил я.

– Замечательно. Обычно я держу дома химические реактивы и время от времени ставлю опыты. Это не будет вам мешать?

– Ни в коей мере.

– Дайте-ка сообразить... какие у меня еще недостатки? Иногда на меня нападает хандра, и я по целым дням не раскрываю рта. Не надо думать, что я на вас обижен. Просто не трогайте меня, и я скоро вернусь в нормальное состояние. Ну а вам есть в чем признаться? Сейчас, пока мы еще не поселились вместе, не мешало бы узнать друг о друге самое худшее.

Меня рассмешила эта взаимная исповедь.

– Я держу щенка бульдога, – сказал я, – и возражаю против шума, потому что у меня расшатаны нервы, и люблю иногда подольше поваляться в постели, и вообще я редкий лентяй. Когда со здоровьем у меня станет получше, появится еще ряд недостатков, но пока эти самые главные.

– А игру на скрипке вы тоже считаете шумом? – с тревогой спросил он.

– Все зависит от того, как играть, – ответил я. – Хорошая скрипичная музыка – это дар богов. Ну а плохая...

– Тогда все в порядке, – сказал он с довольным смехом. – Думаю, можно считать дело решенным – конечно, если квартира придется вам по вкусу.

– Когда на нее можно будет взглянуть?

– Зайдите за мной сюда завтра в полдень, мы отправимся туда и все уладим, – предложил он.

– Хорошо. Итак, ровно в полдень, – сказал я, пожимая ему руку.

Оставив Холмса наедине с его химикалиями, мы вдвоем пошли к моей гостинице.

– Кстати, – вдруг сказал я, остановившись и повернувшись к Стамфорду, – как он, черт возьми, угадал, что я приехал из Афганистана?

Мой спутник улыбнулся загадочной улыбкой.

– Это его маленький секрет, – сказал он. – Многие хотели бы узнать, как он все угадывает.

– Так значит, секрет? – воскликнул я, потирая руки. – Как любопытно! Я вам очень признателен за то, что вы нас свели. «Нам должно человека изучать»², верно?

– Ну-ну, изучайте, – сказал Стамфорд, махнув мне на прощание. – Только это будет непросто. Бьюсь об заклад, что он раскусит вас раньше, чем вы его. До свиданья!

– До свиданья, – ответил я и зашагал к себе в гостиницу, крайне заинтригованный своим новым знакомым.

Глава вторая ИСКУССТВО ДЕДУКЦИИ

На следующий день мы встретились в условленный час и осмотрели квартиру в доме 221-б по Бейкер-стрит, о которой говорили накануне. В ней была пара удобных спален и светлая, просторная гостиная с двумя широкими окнами и приятной глазу обстановкой. Квартира выглядела столь соблазнительной во всех отношениях, а плата за нее, поделенная между нами, оказалась столь скромной, что мы тут же ударили по рукам и вступили во владение своим новым обиталищем. В тот же вечер я перевез из гостиницы свои пожитки, а на следующее утро ко мне присоединился и Шерлок Холмс с несколькими ящиками и чемоданами. День-другой мы были заняты тем, что разбирали багаж и подыскивали для каждого предмета самое подходящее место. Затем стали потихоньку обживаться и привыкать к новому окружению.

Холмс был определенно не из тех, с кем трудно наладить совместное существование. Он вел спокойную, размеренную жизнь: ложился спать, как правило, не позднее десяти часов, а по утрам неизменно успевал позавтракать и уйти, пока я еще нежился в постели. Иногда он проводил дни в химической лаборатории, иногда в прозекторских, а порой совершал долгие прогулки, которые, похоже, заводили его в самые бедные городские кварталы. Когда Холмса охватывал рабочий пыл, его энергия казалась неисчерпаемой, но время от времени наступала реакция и он с утра до вечера лежал на диване в гостиной, почти не давая себе труда обронить слово или пошевелить пальцем. В подобных случаях я подмечал у него в глазах такое мечтательное, отсутствующее выражение, что заподозрил бы его в пристрастии к какому-нибудь

---

² Строка из «Опыта о человеке» Александра Поупа.

наркотику, если бы свойственные ему умеренность и чистоплотность не противоречили этой гипотезе со всей очевидностью.

Пробегала неделя за неделей, а мой интерес к личности Холмса и желание узнать, чем он живет, все росли да росли. Сам он, весь его облик были таковы, что мимо него не прошел бы равнодушно самый поверхностный наблюдатель. Ростом шесть футов с лишком, он был настолько худ, что казался значительно выше. Взгляд у него был острый, пронизывающий, если не считать тех периодов апатии, о которых я уже упоминал, а тонкий ястребиный нос придавал его лицу выражение решительности и настороженности. Подбородок, также выступающий вперед и резко очерченный, выдавал непреклонную волю. Его руки были вечно заляпаны чернилами и реактивами, но он умел обращаться с предметами необычайно бережно, что я не раз имел случай отметить, наблюдая, как он возится со своими хрупкими алхимическими приборами.

Наверное, читатель сочтет меня в высшей мере назойливым и бестактным, если я признаюсь, как сильно этот человек возбуждал мое любопытство и как часто я пытался пробиться сквозь барьер сдержанности, за которым он прятал все, что имело к нему непосредственное отношение. Однако прежде чем выносить приговор, вспомните, сколь бесцельной была тогда моя жизнь и как мало было у меня развлечений. Слабое здоровье позволяло мне выходить из дому лишь в самые погожие дни, а друзей, которые могли бы нарушить своим визитом однообразие моего существования, у меня не было. Стоит ли удивляться тому, что я так обрадовался тайне, окружавшей моего компаньона, и посвящал столько времени тщетным попыткам ее разгадать!

Он не изучал медицину – он сам сообщил об этом в ответ на прямой вопрос, подтвердив мнение, высказанное Стамфордом. Кроме того, он не выказывал склонности к систематическим занятиям ради получения ученой степени или достижения иных результатов, которые могли бы распахнуть перед ним двери в заманчивый мир науки. Однако его интерес к некоторым ее направлениям был несомненным и его познания в отдельных, весьма неожиданных сферах изумляли меня своей обширностью и глубиной. Очевидно, никто не стал бы работать с таким усердием и накапливать столь конкретную информацию, не имея он для этого вполне определенной цели. Всеядные читатели редко могут похвастаться подробной осведомленностью в какой бы то ни было области. Никто не станет обременять свою память мелкими деталями, если не имеет на это достаточно веских оснований.

Его невежество было не менее поразительным, чем его эрудиция. О современной литературе, философии и политике он, по-видимому, не знал почти ничего. Однажды в разговоре с ним я сослался на Томаса Карлейля, и Холмс пренаивнейшим образом спросил, кто он такой и чем отличился. Однако мое изумление достигло апогея, когда я случайно обнаружил, что он незнаком с теорией Коперника и не представляет себе, как устроена Солнечная система. Что цивилизованный человек в девятнадцатом веке может не знать о вращении Земли вокруг Солнца – в это я просто не мог поверить.

– Вы, кажется, удивлены, – сказал он, улыбаясь при виде моего ошеломленного лица. – Но теперь, когда вы поделились со мной этими ценными сведениями, я постараюсь как можно скорее их забыть.

– Забыть?

– Видите ли, – объяснил он, – человеческий мозг представляется мне изначально похожим на маленький пустой чердак, который можно оборудовать по своему желанию. Дурак натащит туда всякого барахла, какое подвернется под руку, а в результате более ценные знания или вовсе окажутся вытеснены, или перемешаются с кучей других вещей – поди отыщи их потом. Искусный же ремесленник отбирает то, что хочет поместить в свой мозг, с большим тщанием. Ему нужны только инструменты, с помощью которых он выполняет свою работу, но их у него множество и все разложено по полочкам в безупречном порядке. Думать, что у этой

маленькой комнатки резиновые стены и их можно растягивать до бесконечности, – серьезная ошибка. Рано или поздно наступит момент, когда в расплату за каждую порцию свежих знаний вам придется что-нибудь забывать. Поэтому чрезвычайно важно не загромождать свой чердак бесполезными фактами, вытесняя при этом полезные.

– Но не знать о Солнечной системе! – возразил я.

– Да на кой черт она мне сдалась? – нетерпеливо перебил он. – Вы говорите, что мы вертимся вокруг Солнца. Но если бы мы вертелись вокруг Луны, это ровным счетом ничего не изменило бы ни для меня, ни для моей работы.

Я хотел было спросить, что же у него за работа, но какая-то нотка в его голосе подсказала мне, что сейчас этот вопрос задавать не стоит. Однако позже, размышляя над нашим кратким разговором, я попытался сделать из него свои выводы. Холмс заявил, что он против бесполезных фактов. Следовательно, все знания, которыми он располагает, ему для чего-то нужны. Я мысленно перечислил разнообразные области, в которых он на моей памяти демонстрировал необычайную осведомленность или отсутствие таковой. Я даже взял карандаш и записал их. Завершив этот труд, я не смог сдержать улыбки. Мой список выглядел так:

ШЕРЛОК ХОЛМС – ОСОБЕННОСТИ КРУГОЗОРА

1. Знания в области литературы – нет.
2. – — философии – нет.
3. – — астрономии – нет.
4. – — политики – минимальные.
5. – — ботаники – отрывочные. Прекрасно знаком со свойствами белладонны, опиума и ядов вообще. Полный профан в садоводстве.
6. Знания в области геологии – конкретные, но ограниченные. С первого взгляда отличает друг от друга различные типы почвы. После прогулок показывал мне брызги грязи на брюках и по их цвету и консистенции определял, из какой они части Лондона.
7. Знания в области химии – основательные.
8. – — анатомии – точные, но бессистемные.
9. – — криминальной литературы – огромные. Знает, кажется, подробности всех громких преступлений нашего столетия.
10. Хорошо играет на скрипке.
11. Профессионально фехтует и боксирует.
12. Неплохо разбирается в британских законах с практической точки зрения.

Дойдя до этого пункта, я в отчаянии бросил листок в камин. «Да разве можно примирить все эти противоречия и понять, чего хочет человек, обладающий таким странным набором дарований! – подумал я. – Лучше и не пытаться».

Я уже упоминал, что Холмс хорошо владел скрипкой. Он действительно был великолепным музыкантом, однако и здесь ярко проявлялась его эксцентричность. В том, что он может исполнять классические пьесы, и притом весьма трудные, я убедился сам, поскольку по моей просьбе он не раз играл «Песни» Мендельсона и прочие любимые мною произведения. Однако, предоставленный самому себе, он редко извлекал из своего инструмента что-то похожее на обычную музыку или хотя бы просто на мелодию. Вечером, устроившись в кресле, он закрывал глаза и небрежно водил смычком по струнам, оперев скрипку на колено. Иногда при этом раздавались звучные, печальные аккорды. Порой их сменяли причудливые наигрыши, в которых сквозило отчаянное веселье. Очевидно, эта неординарная музыка была как-то связана с занимавшими его мыслями, но помогала ли она их течению или, наоборот, рождалась под влиянием капризов его воображения, я определить не умел. Наверное, я взбунтовался бы против этих режущих ухо концертов, если бы под конец он обычно не проигрывал подряд несколько моих любимых пьес, словно извиняясь за то, что так долго испытывал мое терпение.

В течение первой недели к нам никто не заглядывал, и я стал подумывать, что у моего компаньона не больше друзей, чем у меня. Но вскоре я убедился, что у него полным-полно знакомых, причем из самых разных слоев общества. Щуплый человечек с крысиной физиономией и темными глазками, побывавший у нас трижды или четырежды на протяжении одной недели, был представлен мне как мистер Лестрейд. Как-то утром пришла модно одетая девица и задержалась на полчаса или более. В тот же день, ближе к вечеру, явился потрепанный седовласый господин, похожий на уличного торговца-еврея, – кажется, он был очень взволнован, – а вслед за ним в нашу дверь постучалась неряшливая пожилая женщина. В другой раз с моим компаньоном имел беседу какой-то почтенный старик, а следующим визитером стал вокзальный носильщик в форменном вельветиновом костюме. Как только на нашем пороге появлялась очередная странная личность, Шерлок Холмс просил разрешения занять гостиную, и я уходил к себе в спальню. Он всегда извинялся передо мной за причиненное неудобство. «Что делать, я вынужден использовать эту комнату как свой кабинет, – как-то сказал он. – Эти люди – мои клиенты». И снова у меня была возможность задать прямой вопрос, и снова из соображений такта я решил промолчать. В ту пору мне казалось, что у него есть серьезные причины держать свои занятия в тайне, однако вскоре он развеял это заблуждение, заговорив на интересующую меня тему по собственному почину.

Это произошло в марте, четвертого числа, – дата, которую я запомнил надолго. Встав несколько раньше обычного, я обнаружил, что Шерлок Холмс еще не покончил с завтраком. Хозяйка нашей квартиры привыкла к тому, что я долго сплю, а потому не поставила мне прибор и не сварила кофе. Раздраженный без всякой причины, как это частенько бывает с людьми, я дернул веревочку звонка и лаконично сообщил, что голоден. Затем взял со столика журнал и принялся листать его, чтобы скоротать время. Мой компаньон молча жевал гренок. Заглавие одной статьи было отмечено карандашом, и я, естественно, начал ее просматривать.

Она называлась довольно претенциозно – «Книга жизни», – и ее автор рассказывал о том, как много может узнать наблюдательный человек, если будет подробно и систематически анализировать все, что попадает ему на глаза. Статья показалась мне причудливой смесью проницательных и нелепых суждений. Автор писал внятно и логично, однако его выводы, с моей точки зрения, были слишком уж натянутыми и преувеличенными. Он утверждал, что по мгновенному выражению лица, по одному сокращению мускула или мимолетному взгляду можно угадать сокровенные мысли человека. Если вы приучили себя наблюдать и сопоставлять, говорил он, то вас практически невозможно обмануть. Ваши заключения будут неопровержимыми, как теоремы Эвклида. И результаты вашего анализа покажутся непосвященному столь поразительными, что если вы не объясните, каким образом их получили, он будет смотреть на вас как на чародея.

«По одной капле воды, – писал автор, – человек, умеющий мыслить логически, может сделать вывод о существовании Ниагарского водопада или Атлантического океана, даже если он никогда их не видел и ничего о них не слышал. Вся жизнь – гигантская цепь, о природе которой мы можем судить по единственному ее звену. Подобно всем прочим искусствам, умение наблюдать и делать выводы приобретается только путем долгих и упорных упражнений, и наш земной век слишком короток, чтобы овладеть этим умением в совершенстве. Прежде чем обратиться к тем его моральным и интеллектуальным аспектам, которые представляют собой наибольшие трудности, желающий добиться успеха в этом деле должен научиться решать задачи попроще. Для начала пусть он попробует, взглянув на случайного прохожего, сразу определить основные черты его биографии и профессию, которой он себя посвятил. Хотя это занятие может показаться детской забавой, оно обостряет способность к наблюдению и учит, куда надо смотреть и что искать. Ногти человека, его рукава, ботинки, брюки на коленях, мозоли на большом и указательном пальцах, выражение лица, манжеты рубашки – все это явственно

говорит о том, какая у него профессия. По крайней мере почти невозможно представить себе, чтобы, глядя на все это, опытный наблюдатель не сумел сделать достоверных выводов».

– Какой несусветный вздор! – воскликнул я, хлопнув журналом об стол. – В жизни не читал подобной чепухи!

– О чем это вы? – поинтересовался Шерлок Холмс.

– Да вот об этой статье, – сказал я, ткнув в нее ложкой, и принялся за свое яйцо. – Я вижу, вы ее уже прочли, раз она помечена. Написано бойко, что и говорить. Но все равно, меня такие штучки бесят! Совершенно ясно, что это писал какой-то книжный червяк, любитель сочинять изящные парадоксы в тиши своего кабинета. Но какой прок в его теориях? Запихнуть бы этого умника в вагон третьего класса подземки и предложить ему угадать профессии пассажиров – готов поставить тысячу против одного, что у него ничего не выйдет!

– И вы проиграете, – спокойно заметил Холмс. – А статью написал я.

– Вы?

– Да. У меня есть склонность к наблюдению и анализу. Теория, которую я здесь изложил и которая показалась вам столь далекой от жизни, на самом деле весьма полезна – полезна настолько, что с ее помощью я зарабатываю себе на хлеб с маслом.

– Как это? – невольно вырвалось у меня.

– Видите ли, у меня редкая профессия. Возможно, я единственный ее представитель на всем белом свете. Я сыщик-консультант, если вы понимаете, что это такое. У нас в Лондоне множество сыщиков – одни состоят на государственной службе, другие работают частным образом. Когда эти люди заходят в тупик, они обращаются ко мне, и я стараюсь навести их на верный след. Они излагают мне факты, и, поскольку я неплохо знаком с историей преступлений, мне обыкновенно удается извлечь из них что-нибудь путное. Многие злодеяния сходны между собой, и если вы хорошо помните обстоятельства тысячи уголовных дел, вам не так уж трудно распутать тысяча первое. Лестрейд – очень известный сыщик. Недавно он запутался в одной истории о подложных документах, и это привело его сюда.

– А остальные ваши гости?

– Как правило, их присылают ко мне частные детективные агентства. Все это люди, попавшие в беду; им нужно пролить свет на то, что с ними случилось. Я выслушиваю их рассказы, они выслушивают мое заключение – и я кладу в карман гонорар.

– Не хотите ли вы сказать, что, не покидая этой комнаты, можете распутать узел, над которым тщетно бьются другие – те, кто видел все подробности своими глазами?

– Именно так. Мне помогает своего рода интуиция. Впрочем, иногда бывают случаи посложнее – тогда приходится побегать, чтобы во всем разобраться. Не забывайте, что в моем распоряжении имеется уйма специальных знаний, а это значительно упрощает дело. Правила дедукции, изложенные в статье, о которой вы отозвались с таким презрением, – бесценный инструмент в моей работе. Наблюдение давно стало моей второй натурой. Помните, как вы удивились в день нашего знакомства, когда я сказал, что вы приехали из Афганистана?

– Очевидно, кто-то вам об этом сообщил.

– Ничего подобного. Я был уверен, что вы прибыли из Афганистана. Благодаря долгой практике цепочка умозаключений складывается в моем мозгу настолько стремительно, что я сделал окончательный вывод, даже не замечая промежуточных шагов. Но они были, эти шаги. Я рассуждал примерно так: «Этот джентльмен похож на врача, но выправка у него армейская. Стало быть, военный врач. Он только что вернулся из тропиков, потому что лицо у него смуглое, но это не природный цвет его кожи, поскольку запястья у него гораздо светлее. Судя по его худобе, он побывал в серьезных передрыгах и перенес тяжелую болезнь. Левая рука у него повреждена: он держит ее слегка неестественно. Где же именно в тропиках английский военный врач мог перенести столько невзгод и получить ранение в руку? Очевидно, в Афгани-

стане». Весь ход мыслей не занял у меня и секунды. Потом я сказал, что вы приехали из Афганистана, и вы удивились.

– После ваших объяснений все кажется очень простым, – улыбнулся я. – Вы напоминаете мне Дюпена из рассказов Эдгара Аллана По. Я думал, такие люди бывают только в книгах.

Шерлок Холмс поднялся с кресла и раскурил трубку.

– Вы, без сомнения, полагаете, что делаете мне комплимент, сравнивая меня с Дюпеном, – заметил он. – А по-моему, ваш Дюпен отнюдь не блистал умом. Этот его приемчик: продолжать ход мыслей своего приятеля каким-нибудь внезапным замечанием после десятиминутной паузы в разговоре, – несложный трюк, рассчитанный на дешевый эффект. Конечно, он обладал некоторыми способностями к анализу, однако вовсе не был таким уж феноменом, каким изобразил его По.

– А Габорио вы читали? – спросил я. – Как по-вашему, Леккок – хороший сыщик?

Шерлок Холмс пренебрежительно хмыкнул.

– Леккок – редкий тупица, – сердито сказал он. – У него только и есть что энергия. Меня от этой книги чуть не стошнило. Ему надо было всего-навсего установить личность заключенного. Мне хватило бы для этого двадцати четырех часов, а он копался добрых полгода! По этому сочинению можно учить сыщиков, как не надо работать.

Холмс так бесцеремонно обругал моих любимых литературных героев, что в душе у меня вспыхнуло негодование. Я подошел к окну и устремил взгляд на оживленную улицу. «Может, он и умен, – сказал я себе, – но такое самодовольство – это уж чересчур».

– Где они теперь, настоящие преступления и настоящие преступники? – брюзгливо сказал Холмс. – Кому нужны мозги в нашей профессии? Я отлично знаю, что мог бы прославиться. На свете нет и никогда не было человека, который посвятил бы раскрытию преступлений больше труда и врожденного таланта, чем я. И что в результате? Раскрывать нечего – разве что какое-нибудь дурацкое, неумелое злодейство с таким банальным мотивом, что даже полицейские из Скотленд-Ярда видят все насквозь.

Меня по-прежнему раздражал его высокомерный тон, и я решил, что лучше будет сменить тему.

– Интересно, что он там ищет? – спросил я, указывая на рослого, просто одетого человека, который шел по другой стороне улицы, внимательно вглядываясь в номера домов. В руке он держал большой синий конверт – очевидно, это был посыльный.

– Кто – вон тот отставной флотский сержант? – отозвался Холмс.

«Жалкий хвостун! – подумал я про себя. – Понимает, что его не проверишь».

Едва эта мысль успела проскользнуть у меня в голове, как человек, за которым мы наблюдали, увидел номер на нашей двери и бегом пересек мостовую. Мы услышали громкий стук, звучный голос внизу и тяжелые шаги на лестнице.

– Мистеру Шерлоку Холмсу, – сказал он, переступая порог и протягивая конверт моему товарищу.

Это была прекрасная возможность сбить с него спесь: он вряд ли предвидел такое развитие событий, когда пытался наобум угадать бывшую профессию почтальона.

– Позвольте спросить, любезный, – сказал я самым вкрадчивым тоном, на какой только был способен, – чем вы занимаетесь?

– Работаю курьером, сэр, – хрипловатым голосом ответил он. – Форму отдал в починку.

– А раньше кем были? – продолжал я, с легким злорадством покосившись на своего компаньона.

– Сержантом Королевской морской пехоты, сэр. Ответа не ждать? Есть, сэр.

Он щелкнул каблуками, отдал честь и был таков.

Глава третья

ТАЙНА ЛОРИСТОН-ГАРДЕНС

Признаюсь, что я был ошеломлен этим неожиданным доказательством практической пригодности теории моего компаньона. Мое уважение к его аналитическим способностям сразу же резко возросло. Правда, где-то на задворках моего сознания брезжило подозрение, что вся история с посылным подстроена, чтобы сбить меня с толку, но зачем Холмсу могло понадобиться меня дурачить – этого я решительно не мог уразуметь. Когда я посмотрел на него, он как раз дочитал письмо и его потускневшие глаза приняли то рассеянное выражение, которое свидетельствует о поглощенности человека своими мыслями.

– Как, скажите на милость, вы это определили? – спросил я.

– Что именно? – недовольно откликнулся он.

– Ну что он отставной сержант морской пехоты?

– У меня нет времени на пустяки, – отрезал он, но тут же добавил с улыбкой: – Простите за грубость. Вы прервали нить моих размышлений, но, может, оно и к лучшему. Так значит, вы не сумели разглядеть, что этот человек служил во флоте?

– Нет, не сумел.

– Легче было понять это, чем объяснить, как я понял. Если бы вас попросили доказать, что дважды два четыре, вы, пожалуй, столкнулись бы с некоторыми трудностями, хотя и не сомневаетесь в том, что это именно так. Даже отсюда, с другой стороны улицы, я увидел на руке этого малого татуировку – большой синий якорь. Тут сразу запахло морем. Осанка у него как у военного, и бакенбарды такие, какие разрешено носить флотским, – вот вам и морская пехота. Далее, ясно было, что он себя уважает и привык командовать – должно быть, вы заметили, как он держал голову и помахивал тростью. Основательный, уравновешенный человек средних лет – все эти факты и привели меня к заключению, что он был сержантом.

– Великолепно! – воскликнул я.

– Ничего особенного, – сказал Холмс, хотя по его лицу я видел, что он польщен моим откровенным удивлением и восторгом. – Пять минут назад я говорил, что преступники у нас перевелись. Похоже, я был не прав – взгляните-ка! – И он бросил мне письмо, принесенное курьером.

– Боже мой! – воскликнул я, пробежав его глазами. – Какой ужас!

– Действительно, несколько необычно, – спокойно заметил он. – Не соблаговолите ли прочесть это вслух?

Вот что я прочел Холмсу по его просьбе:

«Уважаемый мистер Шерлок Холмс!

Сегодня ночью в доме номер три по Лористон-Гарденс, близ Брикстон-роуд, случилось грязное дело. Часа в два наш дежурный на этом участке заметил там свет и, поскольку дом был нежилой, заподозрил неладное. Дверь оказалась открыта, а в прихожей, среди голых стен, лежал труп мужчины, хорошо одетого, с карточками в кармане на имя Инока Дж. Дреббера, Кливленд, Огайо, США. Его не ограбили, и пока остается неясным, как он встретил свою смерть. В комнате есть следы крови, но на теле не обнаружено никаких ран. Мы не знаем, как он попал в пустой дом, и вообще, вся эта история – сплошная загадка. Если Вы сможете заглянуть в этот дом в любое время до полудня, то найдете меня там. Пока я не получу от Вас ответа, здесь никто ничего не тронет. Если не сможете прийти, я сообщу Вам дополнительные детали и почту за огромную любезность с Вашей стороны, если Вы поделитесь со мной своими соображениями.

Искренне Ваш, Тобиас Грегсон».

– Грегсон – самый смысленный детектив в Скотленд-Ярде, – заметил мой друг. – Они с Лестрейдом, так ска зать, лучшие среди худших. Оба бойкие, напористые, хотя мыслят чересчур шаблонно – ни капли оригинальности. Между прочим, они не слишком ладят друг с другом. Рев нивы, как парочка профессиональных красавиц. Забавно будет, если их обоих поставят на это дело.

Я был поражен невозмутимостью, с которой он излагал мне все это.

– Наверное, нельзя терять ни минуты! – воскликнул я. – Хотите, я поймаю вам кеб?

– А я еще не решил, ехать мне или нет. Я ведь лентяй, каких свет не видел... хотя иногда могу и взбодриться, если вдруг найдет такой стих.

– Но это же тот самый случай, о котором вы мечтали!

– Дорогой мой, ну какой мне с него прок? Даже если я распутаю дело, можете не сомневаться, что все почести достанутся Грегсону, Лестрейду и компании. Вот что значит быть неофициальным лицом.

– Но он просит вас о помощи.

– Да. Он знает, что ему до меня далеко, и признаётся мне в этом, но скорее отрежет себе язык, чем повторит это кому-то третьему. Впрочем, можно поехать и взглянуть как там и что. Займусь делом на свой страх и риск. В конце концов хоть посмеюсь над ними, если больше ничего не получу. Вперед!

Он схватил плащ, и по его энергичным движениям я понял, что приступ хандры сменился приступом активности.

– Берите шляпу, – сказал он.

– Хотите, чтобы я поехал с вами?

– Да, если у вас нет занятия поинтересней.

Минуту спустя наемный экипаж уже мчал нас в сторону Брикстон-роуд. Утро выдалось хмурое, туманное; над крышами домов висела серовато-бурая дымка, словно отражение грязных улиц внизу. Мой спутник был в прекрасном расположении духа и без умолку болтал о кремонских скрипках и о разнице между инструментами Страдивари и Амати. Я же, напротив, хранил молчание, поскольку дурная погода и мрачное дело, ожидавшее нас впереди, действовали на меня угнетающе.

– Похоже, вас не очень занимает цель нашего путешествия, – наконец сказал я, прервав музыкальные рассуждения Холмса.

– Мне не хватает данных, – ответил он. – Ни в коем случае нельзя строить теории, пока у вас на руках нет всех фактов. Иначе можно потерять объективность.

– Скоро вы получите ваши факты, – заметил я, показывая в окно. – Вот Брикстон-роуд, а вон и тот самый дом, если я, конечно, не ошибаюсь.

– Все верно. Стойте, кучер, стойте!

Нам оставалось до места около сотни ярдов, но Холмс настоял на том, чтобы мы сошли и проделали финальную часть пути пешком.

Номер третий по Лористон-Гарденс имел зловещий и угрюмый облик. Это был один из четырех домов, слегка отстоящих от мостовой, – в двух кто-то жил, а два других пустовали. Последние меланхолично взирали на нас тремя рядами унылых, подслеповатых окон, на которых там и сям, словно бельма, торчали таблички «Сдается внаем». Каждый из этих домов был отделен от улицы маленьким палисадником с редкой и чахлой растительностью, разрезанным пополам узкой желтоватой дорожкой, состоящей, насколько я мог судить, из смеси глины и гравия. Ночью прошел дождь, и все вокруг порядком раскисло. Палисадники были огорожены трехфутовой кирпичной стеной, ошкетинившейся сверху деревянными колышками, и к этой стене прислонился дюжий констебль. Рядом с ним собралась кучка зевак, которые вытягивали шеи в тщетной надежде хоть краешком глаза углядеть, что творится внутри.

Я полагал, что Шерлок Холмс немедленно кинется в дом и начнет расследование. Однако у него, похоже, были совсем другие планы. С беззаботным видом, который в этой ситуации показался мне граничащим с позерством, он прошелся туда-сюда по тротуару, рассеянно поглядывая на землю, небо, дома напротив и ограду. Закончив осмотр, он медленно двинулся по дорожке, или, точнее, по узкой полоске травы вдоль нее, не отрывая взгляда от земли. Дважды он останавливался, а один раз я заметил у него на лице улыбку и услышал сорвавшееся с его губ довольное восклицание. На мокрой глинистой почве должно было остаться множество следов, но поскольку служители порядка успели добавить к ним щедрую толику своих собственных, я не мог понять, что мой друг рассчитывает там найти. Тем не менее, получив недавно весьма впечатляющие доказательства его проницательности, я не сомневался, что он видит гораздо больше того, что открыто моему скромному взору.

У дверей дома нас встретил высокий белолицый человек с соломенными волосами и блокнотом в руке; он бросился к моему спутнику и горячо пожал ему руку.

– Как славно, что вы пришли, – сказал он. – Здесь никто ничего не трогал.

– Кроме этого! – откликнулся мой друг, кивнув на дорожку. – Даже стадо буйволов не смогло бы так основательно все затоптать. Но вы, Грегсон, – вы, конечно, успели сделать необходимые выводы, прежде чем позволили своим подчиненным так поступить.

– У меня было много работы внутри, – уклончиво ска зал сыщик. – Здесь мой коллега, мистер Лестрейд. Я ду мал, он об этом позаботится.

Холмс искоса взглянул на меня и саркастически поднял брови.

– После таких специалистов, как вы с Лестрейдом, че ловеку со стороны вряд ли удастся отыскать здесь еще что-нибудь стоящее, – сказал он.

Грегсон самодовольно потер руки.

– Думаю, мы сделали все, что можно, – ответил он. – Однако дело странное, а я знаю, что вы такие любите.

– Вы ведь приехали сюда не в кебе? – спросил Шерлок Холмс.

– Нет, сэр.

– А Лестрейд?

– Тоже нет.

– Тогда пойдемте посмотрим комнату, – без всякой логики заключил Холмс и зашагал в дом.

Удивленно пожав плечами, Грегсон двинулся за ним по пятам.

Пыльный короткий коридор с голыми, обшитыми деревом стенами вел в кухню и подсобные помещения. Слева и справа было по двери. Одну из них явно не отпирали уже много недель. За другой находилась столовая – то самое место, где обнаружили труп. Холмс ступил туда, и я последовал за ним с той тяжестью на душе, какую порождает присутствие смерти.

Это была большая квадратная комната, казавшаяся еще больше из-за полного отсутствия мебели. Яркие аляповатые обои на ее стенах местами уже разъела плесень, а кое-где они свисали кусками вниз, обнажая желтую штукатурку. Напротив двери красовался претенциозный камин, увенчанный белой полкой «под мрамор». К ее углу был прилеплен огарок красной восковой свечи. В единственное и чрезвычайно грязное окно едва пробивался тусклый, неверный свет, который окрашивал все вокруг в унылые серые тона, в чем ему немало помогал толстый слой лежащей повсюду пыли.

Все эти подробности я заметил позже. Сначала мое внимание целиком сосредоточилось на одной мрачной неподвижной фигуре, которая распростерлась на дощатом полу, устремив свой равнодушный, невидящий взгляд в полинявший потолок. Это был труп человека лет сорока трех или сорока четырех, среднего роста, широкоплечего, с черными курчавыми волосами и короткой щетинистой бородкой. Его костюм составляли сюртук из плотного сукна, жилетка, светлые брюки и безупречный воротничок с манжетами. Рядом, на полу, валялся

начищенный до блеска цилиндр. Руки мертвого, сжатые в кулаки, были раскинуты в стороны, а ноги цеплялись одна за другую, что говорило об отчаянной борьбе со смертью. Его черты исказила гримаса ужаса, смешанного, как мне почудилось, с ненавистью, – такого выражения мне еще ни разу не доводилось наблюдать на человеческом лице. Эта жуткая, злобная мина в сочетании с низким лбом, коротким носом и выступающей нижней челюстью придавала мертвецу бросающееся в глаза сходство с крупной обезьяной, которое еще более усугублялось его неестественной позой. Я видел смерть в разных обличьях, но никогда еще она не казалась мне такой страшной, как в этой темной, прокопченной комнате близ одной из главных магистралей лондонских окраин.

Лестрейд, как всегда тощий и похожий на хорька, появился на пороге и приветствовал нас с Холмсом.

– Шумиха подымется изрядная, сэр, – заметил он. – Мне такие дела еще не попадались, а я ведь тертый калач.

– И никаких зацепок? – спросил Грегсон.

– Ни единой, – в тон ему отозвался Лестрейд.

Шерлок Холмс приблизился к телу и, став на колени, внимательно его осмотрел.

– Вы уверены, что ран нет? – спросил он, указывая на многочисленные пятна и брызги крови вокруг.

– Абсолютно! – воскликнули оба детектива.

– Тогда, очевидно, это кровь другого человека – предположительно убийцы, если здесь было совершено убийство. Это напоминает мне обстоятельства смерти Ван Янсена в Утрехте в тридцать четвертом году. Помните это дело, Грегсон?

– Нет, сэр.

– Почитайте о нем, не пожалеете. Нет ничего нового под солнцем! Все уже бывало прежде.

Пока он говорил, его ловкие пальцы так и летали над трупом, ощупывая, надавливая, расстигивая, изучая, тогда как в глазах у него застыло то самое отсутствующее выражение, которое я подмечал раньше. Осмотр был произведен настолько быстро, что посторонний легко мог бы усомниться в его тщательности. Под конец Холмс понюхал губы трупа и мельком взглянул на подошвы его лакированных туфель.

– Его совсем не перемещали? – спросил он.

– Разве что самую малость, во время осмотра.

– Можно отправлять в морг, – сказал Холмс. – Нам он больше не пригодится.

За дверью уже ждали четверо полицейских с носилками. По команде Грегсона они вошли в комнату, забрали мертвеца и вынесли за порог. Когда они поднимали тело, что-то вдруг звякнуло, и по полу покатилося колечко. Лестрейд схватил его и вперился в него недоумевающим взглядом.

– Тут была женщина! – вскричал он. – Это женское обручальное кольцо.

Он протянул к нам ладонь с кольцом. Мы подошли ближе и принялись рассматривать найденную вещицу. Не было никаких сомнений в том, что когда-то этот тонкий ободок из чистого золота блестел на пальце невесты.

– Это усложняет дело, – сказал Грегсон. – А оно, видит Бог, и так достаточно сложное.

– Вы уверены, что не упрощает? – возразил Холмс. – Ну да что толку на него глазеть. Что вы нашли у мертвого в карманах?

– Все здесь, – ответил Грегсон, указывая на кучку предметов на одной из нижних ступеней лестницы. – Золотые часы номер 97163 производства «Барро», Лондон. Цепочка для часов, тоже золотая, очень прочная и массивная. Золотой перстень с масонской эмблемой. Золотая булавка – голова бульдога с рубинами вместо глаз. Кожаная визитница с карточками на имя Инока Дж. Дреббера из Кливленда, что соответствует инициалам на белье – И. Дж. Д. Кошелек

нет, но деньги имеются, на общую сумму семь фунтов тринадцать шиллингов. Карманное издание «Декамерона» Боккаччо с именем «Джозеф Стенджерсон» на форзаце. Два письма – одно адресовано И. Дж. Дребберу, второе все тому же Джозефу Стенджерсону.

– На какой адрес?

– Американская биржа на Стренде, до востребования. Оба отправлены Гуйонской паровой компанией и оба содержат расписание отхода ее судов из Ливерпуля. Ясно, что этот несчастный собирался возвращаться в Нью-Йорк.

– Вы навели справки об этом Стенджерсоне?

– Сразу же, сэр, – ответил Грегсон. – Я велел дать объявления во все газеты, а один из моих людей отправился на Американскую биржу, но еще не вернулся.

– В Кливленд сообщили?

– Телеграммой, нынче утром.

– В каких словах?

– Просто описали ситуацию и сказали, что будем благодарны за любые полезные сведения.

– Вы не интересовались подробностями, которые показались вам особенно важными?

– Я спросил о Стенджерсоне.

– И только? Разве в этом деле нет обстоятельства, от которого зависит все остальное? Вы не думаете послать еще одну телеграмму?

– Я написал все, что считал нужным, – с обидой в голосе ответил Грегсон.

Шерлок Холмс усмехнулся себе под нос и хотел было отпустить какое-то замечание, но вдруг из столовой – наш разговор происходил в коридоре – показался Лестрейд, потирающий руки с видом глубочайшего довольства собой.

– Мистер Грегсон, – сказал он, – я только что сделал открытие исключительной важности, которое так и оста лось бы для нас тайной, если бы я не решил как можно тщательнее осмотреть стены.

Глаза маленького человечка сверкали – очевидно, ему было трудно сдерживать ликование, вызванное тем, что он обставил своего коллегу на одно очко.

– Подите-ка сюда, – позвал он, торопливо возвращаясь в комнату, где стало гораздо легче дышать после отбытия ее страшного обитателя. – Смотрите!

Он чиркнул о ботинок спичкой и поднес ее к стене.

– Как вам это нравится? – с триумфом спросил он.

Я уже говорил, что обои в комнате частично отклеились от стен. В углу оторвался большой кусок, открыв желтый квадрат грубой штукатурки. На этой голой поверхности было нацарапано кроваво-красными буквами одно-единственное слово:

RACHE

– Ну, что скажете? – воскликнул сыщик, словно конферансье после эффектного номера. – Этого никто не заметил, потому что угол здесь темный и никому не пришло в голову сюда заглянуть. Убийца написал это своей собственной кровью. Видите, вот тут она стекла струйкой по стене? Во всяком случае, версия самоубийства теперь исключается. А почему был выбран именно этот угол? Я вам скажу. На каминной полке стоит свеча. Тогда она горела, а если ее зажечь, этот угол сразу превратится из самого темного в самый светлый.

– И что же означает эта ваша надпись? – с легким пренебрежением в голосе спросил Грегсон.

– Что она означает? Ясно как день, что убийца хотел – ну или хотела, если это была она, – написать женское имя «Рэчел», но кто-то его спугнул. Попомните мои слова: когда мы разгадаем эту тайну, вы увидите, что в ней замешана женщина по имени Рэчел. Смейтесь, смейтесь, мистер Шерлок Холмс. Конечно, ума вам не занимать, но в конечном счете и вы признаете, что у старой ищейки не грех кое-чему поучиться.

– Простите великодушно! – сказал мой компаньон, чей бестактный смех вывел из себя маленького человечка. – Действительно, вы первым из нас обнаружили эту улику, за что вам честь и хвала, и я совершенно согласен с вами в том, что она оставлена вторым участником ночной трагедии. Я еще не успел как следует осмотреть комнату и с вашего позволения займусь этим сейчас.

С этими словами он выудил из кармана рулетку и большую лупу. Вооруженный таким образом, он неслышно двинулся в обход комнаты, кое-где останавливаясь, порой опускаясь на колени, а однажды и вовсе улегшись плашмя на пол. Его так поглотило это занятие, что он, похоже, совсем забыл о нашем присутствии, ибо все время бормотал что-то себе под нос, не давая иссякнуть тонкому ручейку восклицаний, огорченных вздохов, посвистываний и тихих возгласов, в которых слышались ободрение и надежда. Своим поведением он живо напомнил мне чистопородную, хорошо выдрессированную гончую на лисьей охоте – то, как она рыщет туда и сюда по лесу, повизгивая от нетерпения, покуда вновь не нападет на потерянный след. Минут двадцать, если не больше, он продолжал свои исследования, вымеряя с величайшей тщательностью расстояние между совершенно невидимыми для меня следами, а иногда прикладывая свою рулетку к стене, где я тоже не замечал ровно ничего достойного внимания. В одном месте он аккуратно собрал с половицы щепотку серой пыли и положил ее в конверт. Наконец он внимательно изучил надпись на стене, очень пристально рассмотрев в лупу каждую букву. Покончив с этим, он с удовлетворенным кивком убрал лупу и рулетку обратно в карман.

– Говорят, что гений – это бесконечное трудолюбие, – обронил он с улыбкой. – Определение не слишком удачное, но к работе детектива подходит как нельзя лучше.

Грегсон и Лестрейд наблюдали за манипуляциями своего штатского коллеги с немалым любопытством и долей презрения. Они явно были не в силах понять то, что уже начал понимать я, – что самые незначительные действия Шерлока Холмса направлены на достижение какой-то вполне конкретной практической цели.

– Так что же, сэр? – спросили оба.

– С моей стороны было бы чересчур самонадеянно лезть к вам со своей помощью, – откликнулся мой друг. – Вы так хорошо справляетесь, что лавры за раскрытие этого дела не должны достаться постороннему. – В его голосе звучал неприкрытый сарказм. – Если вы дадите мне знать, как идет расследование, – продолжал он, – я буду рад помочь чем смогу. А пока я хотел бы переговорить с констеблем, который нашел тело. Вы не назовете мне его имя и адрес?

Лестрейд заглянул в блокнот.

– Джон Ранс, – сказал он. – Сегодня у него выходной. Вы найдете его на Кенningтон-Парк-Гейт, Одли-Корт, дом сорок шесть.

Холмс записал адрес.

– Пойдемте, доктор, – сказал он, – попробуем его отыскать. Я сообщу вам кое-какие мелочи, которые могут пригодиться в работе над делом, – продолжал он, обернувшись к двум сыщикам. – Это убийство, и убийца – мужчина во цвете лет. Он высок – больше шести футов, хотя ноги у него довольно маленькие для такого роста. Ночью на нем были грубые сапоги с квадратными носами, и он курил тричинопольскую сигару³. Приехал он сюда вместе с жертвой в четырехколесном кебе, запряженном лошадей с тремя старыми подковами и одной новой, на правой передней ноге. По всей вероятности, у преступника красное лицо и нестриженные ногти на правой руке. Это лишь несколько деталей, но они могут сыграть свою роль.

Лестрейд и Грегсон переглянулись с недоверчивыми улыбками.

– Если этого человека убили, то каким способом? – спросил первый.

---

³ Тричинополи – город в Индии, центр табачного производства.

– Яд, – бросил Шерлок Холмс и зашагал прочь. – И еще одно, Лестрейд, – добавил он, обернувшись на пороге. – «Rache» по-немецки «месть», так что не теряйте времени на поиски мисс Рэчел.

Выпустив эту парфянскую стрелу, он ушел, а два соперника смотрели ему вслед, разинув рты.

Глава четвертая ЧТО РАССКАЗАЛ ДЖОН РАНС

Мы покинули дом номер три по Лористон-Гарденс в час пополудни. Шерлок Холмс повел меня на ближайший телеграф, где отправил длинную телеграмму. Затем он остановил кеб и велел кучеру отвезти нас по адресу, взятому у Лестрейда.

– Нет ничего полезнее сведений из первых рук, – заметил он. – Честно говоря, я уже составил свое мнение по этому делу, но нам все равно не помешает узнать то, чего мы еще не знаем.

– Вы меня поражаете, Холмс, – сказал я. – Не можете же вы быть и вправду так уверены во всех подробностях, которые нам перечислили!

– А мне было негде ошибиться, – ответил он. – Первое, что я заметил, когда мы приехали, – это две колеи, оставленные кебом, подкатившим совсем близко к тротуару. Но до прошлой ночи целую неделю стояла сухая погода, а значит, колеса, от которых остались такие глубокие отпечатки, побывали там именно этой ночью. Видел я и следы лошадиных копыт, причем след от одного из них был гораздо отчетливее, чем от трех других, – стало быть, эта подкова новая. Поскольку кеб приезжал после начала дождя, а утром никаких экипажей больше не появлялось – это известно со слов Грегсона, – можно сделать вывод, что именно он доставил к дому обоих участников ночного приключения.

– Ну, это довольно просто, – сказал я. – Но как вы узнали рост убийцы?

– В девяти случаях из десяти рост человека можно определить по длине его шага. Вычисления очень просты, но не буду утомлять вас цифрами. Я измерил шаг того парня и на земле снаружи, и на пыльном полу внутри. Потом мне представился случай проверить свои подсчеты. Когда кто-нибудь пишет на стене, он машинально выбирает для этого место на уровне своих глаз. А та надпись была на высоте чуть больше шести футов над полом. В общем, задачка для первого класса.

– А его возраст? – спросил я.

– Если человек может одним махом покрыть расстояние в четыре с половиной фута, он вряд ли древний старик. Но именно такова была ширина лужи на садовой дорожке, которую он, очевидно, перешагнул. Лакированные туфли обошли ее стороной, а квадратные носы перепрыгнули. Во всем этом нет никакой тайны. Я просто применяю в обычной жизни те самые методы наблюдения и поиска логических связей, которые отстаивал в своей статье. Что еще вас смущает?

– Ногти и тричинопольская сигара.

– Надпись на стене была сделана пальцем, измазанным в крови. Лупа позволила мне рассмотреть, что штукатурку при этом слегка поцарапали, чего не случилось бы, будь ноготь на пальце коротко подстрижен. Далее, я собрал с пола немножко пепла. Он был хлопьевидным, темного цвета – такой пепел мог упасть только с сигары, изготовленной в Тричинополи. Когда-то я подробно изучал типы сигарного пепла – честно сказать, даже написал об этом брошюрку. Лышу себя надеждой, что могу с первого взгляда опознать пепел от табака любой известной марки, хоть сигарного, хоть трубочного. Как раз подобные мелочи и отличают умелого сыщика от всяких там Грегсонов и Лестрейдов.

– А красное лицо? – спросил я.

– Это более смелая догадка, хотя не сомневаюсь, что и тут я прав. Но пока вам лучше не спрашивать меня об этом.

Я провел рукой по лбу.

– У меня голова идет кругом, – признался я. – Чем больше думаешь об этой истории, тем загадочней она кажется. Как эти двое, если их действительно было двое, по пали в пустой дом? Куда делся кучер, который их привез? Как одному из них удалось заставить другого принять яд? Откуда взялась кровь? Что было нужно убийце, если он даже не ограбил свою жертву? Откуда там появилось женское кольцо? И наконец, зачем второй решил написать перед уходом немецкое слово «Rache»? Признаюсь, что я не вижу способа связать вместе все эти факты.

Мой спутник одобрительно улыбнулся.

– Вы весьма точно и кратко изложили все трудности этого дела, – сказал он. – Многое еще остается неясным, хотя главное уже не вызывает у меня никаких сомнений. Что касается надписи, обнаруженной беднягой Лестрейдом, то она была сделана просто для отвода глаз, чтобы сбить полицию с толку намеком на социалистов и тайные общества. Это писал не немец. Буква «А», если вы заметили, изображена в готическом стиле. Однако настоящие немцы всегда пишут обыкновенными буквами, поэтому мы смело можем утверждать, что эта надпись – дело рук неопытного имитатора, который перегнул палку, пытаясь прикинуться немцем. Это просто уловка, попытка направить следствие по ложному пути. Больше я не стану вам ничего объяснять, доктор. Вы же знаете, фокусником перестают восхищаться после того, как он раскроет секреты своих трюков, и если я расскажу вам чересчур много о своих методах, вы, пожалуй, придете к выводу, что я в общем-то самая заурядная личность.

– Ни в коем случае, – ответил я. – Вы сделали сыскную работу настолько близкой к точной науке, насколько это возможно.

Услышав эти слова, произнесенные мною с глубокой серьезностью, мой спутник порозовел от удовольствия. Я уже замечал, что он был не менее чувствителен к похвалам своему искусству, чем юная девица к комплиментам по поводу ее красоты.

– Скажу вам еще кое-что, – промолвил он. – Лакированные туфли и квадратные носы приехали в одном кебе и прошли по дорожке вместе, как закадычные друзья, – по всей вероятности, рука об руку. Очутившись внутри, они принялись расхаживать по комнате – вернее, лакированные туфли стояли неподвижно, а квадратные носы расхаживали взад и вперед. Все это я прочел на пыльном полу, а еще я прочел, что второй мало-помалу начинал горячиться. Об этом свидетельствует длина его шагов, которая все увеличивалась и увеличивалась. Он говорил без умолку и наконец взвинтил себя до того, что впал в ярость. Потом произошла трагедия. Ну вот, теперь я рассказал вам все, что знаю, поскольку остальное лишь догадки и додзрения. Однако у нас есть хороший фундамент для начала работы. Нам нужно поторопиться, потому что сегодня вечером я хочу успеть на концерт Халлэ, послушать Норман Неруду⁴.

Эта беседа происходила, пока наш кеб пробирался по бесконечному лабиринту грязных, убогих улиц и улочек. На самой грязной и убогой из них кучер вдруг остановился.

– Вон Одли-Корт, – сообщил он, указывая на узкую щель в ряду однообразно-серых кирпичных зданий. – Я вас тут подожду.

Одли-Корт был малоприятным местом. Узкий проулок вынырнул на прямоугольный двор, вымощенный плитняком и окруженный унылыми домами. Одолев несколько препятствий в виде стоек замурзанной детворы и развешанного на веревках застиранного белья, мы отыскали номер сорок шесть, дверь которого украшала латунная табличка с выгравированной на ней фамилией Ранса. Нас проинформировали о том, что констебль спит, и провели в крошечную гостиную дожидаться его выхода.

---

⁴ Халлэ, Чарльз – основатель одного из ведущих симфонических оркестров Великобритании, Норман Неруда – скрипачка, супруга Халлэ.

Вскоре он появился, заметно раздраженный тем, что его отдых прервали.

– Я обо всем доложил в конторе, – сказал он.

Холмс вынул из кармана монету в полсоверена и задумчиво повертел ее в пальцах.

– Нам очень хотелось бы услышать эту историю из ваших собственных уст, – сказал он.

– С радостью сообщу вам все, что смогу, – ответил констебль, не сводя глаз с маленького золотого диска.

– Просто расскажите о том, что случилось, своими словами.

Ранс сел на кушетку, набитую конским волосом, и сдвинул брови с явным намерением не упустить в своем отчете ни одной подробности.

– Значит, начнем с начала, – сказал он. – Моя смена с десяти вечера до шести утра. В одиннадцать в «Белом олене» маленько подрались, а так на моем участке было тихо. В час пошел дождь, я встретил Гарри Мерчера – это который дежурит на Холланд-Гроув, – и мы с ним постояли на углу Хенриетта-стрит, поболтали о том о сем. Потом – может, в два или чуть позже – я подумал, что надо бы пройтись по Брикстон-роуд, глянуть, все ли там в порядке. Грязно было, и народу вокруг никого. Пока я шел, ни души не встретил, хотя парочка кебов проехали мимо. Иду я, значит, и думаю, между нами говоря, как славно было бы пропустить сейчас стаканчик горячего джина, – и вдруг в окошке того самого дома вроде как мелькнул свет. Ну, я-то знаю, что эти два дома на Лористон-Гарденс стоят пустые из-за владельца: он никак не собирается почистить канализацию, хотя последний жилец у него помер от брюшного тифа. Поэтому я как увидел там свет, так сразу заподозрил, что дело неладно. Когда я подошел к двери...

– Вы остановились, а потом вернулись к калитке, – прервал его мой компаньон. – Скажите, зачем?

Ранс буквально подскочил на месте и уставился на Шерлока Холмса с видом глубочайшего изумления.

– Ваша правда, сэр, – сказал он, – хотя как вы догадались, ума не приложу. Понимаете, когда я подошел к двери, вокруг было так тихо и одиноко, что я подумал, не взять ли мне кого-нибудь с собой за компанию. Я не боюсь ничего по эту сторону могилы, но тут подумал: а может, покойник заявился проверить трубы, которые его сгубили. У меня прямо мурашки по коже поползли, и я вернулся к калитке поглядеть, не видно ли где фонаря Мерчера, но ничего не увидел – ни его, ни кого другого.

– То есть на улице никого не было?

– Ни души, сэр, – собак, и тех ни одной. Тогда я взял себя в руки, вернулся и отворил дверь. Внутри стояла тишина, и я пошел в комнату, где заметил свет. На камине горела свеча – красная, восковая, и при ее свете я увидел...

– Знаю, что вы увидели. Вы обошли комнату несколько раз, потом стали на колени рядом с трупом, потом вышли проверить, заперта ли дверь в кухню, а потом...

Джон Ранс вскочил с кушетки – в его взгляде читались испуг и подозрение.

– Где вы там прятались, а? – воскликнул он. – Что-то вы больно много знаете.

Холмс засмеялся и кинул на столик перед констеблем свою визитную карточку.

– Пожалуйста, не надо арестовывать меня за убийство, – сказал он. – Я не волк, а одна из ищеек; мистер Грегсон или мистер Лестрейд подтвердят вам это. Но давайте продолжим. Что вы сделали потом?

Ранс снова уселся на свое место, хотя вид у него был по-прежнему озадаченный.

– Я вернулся к калитке и засвистел. Прибежали Мерчер и еще двое.

– А улица была пуста?

– Можно сказать и так, если не считать всякую шваль.

– Как это понимать?

По лицу констебля расплылась широкая ухмылка.

– Повидал я пьяных на своем веку, – сказал он, – но чтоб так нализаться, как этот! Он был у калитки, когда я вышел, – привалился к ограде и горланил что есть мочи про какой-то грозный волосатый флаг или что-то в этом духе. Какой из него помощник – его и ноги-то не держали.

– Как он выглядел? – спросил Шерлок Холмс.

Джон Ранс был явно раздражен этим не относящимся к делу вопросом.

– Пьяный как свинья, вот как он выглядел, – сказал он. – Кабы мы не были так заняты, ночевать бы ему в кутузке.

– А его лицо, одежда? Вы что, ничего не видели? – нетерпеливо прервал его Холмс.

– Да нет, как не видел. Мы с Мерчером даже пытались его поднять. Здоровый такой малый, краснорожий, обмотался шарфом чуть не до носа...

– Ага! – вскричал Холмс. – И куда он делся?

– У нас и без него дел хватало, – обиженным тоном сказал полицейский. – Нячиться с ним, что ли? Добрел домой как-нибудь, уж будьте уверены.

– Во что он был одет?

– В коричневое пальто.

– Хлыста в руке не было?

– Хлыста? Нет.

– Значит, не взял с собой, – пробормотал мой спутник. – Вы не заметили, после этого мимо не проезжал кеб? Или, может, слышали стук колес?

– Нет.

– Вот ваши полсоверена, – сказал мой спутник, вставая и надевая шляпу. – Боюсь, Ранс, что вам никогда не дослужиться до приличного звания. Головой надо иногда думать, а не носить ее просто так, для красоты. Прошлой ночью вы могли бы заработать сержантские нашивки. У человека, который был у вас в руках, ключ к разгадке тайны, – его-то мы и ищем. Что толку теперь спорить – можете поверить мне на слово. Пойдемте, доктор.

Мы двинулись обратно к своему кебу, оставив нашего собеседника если не убежденным в правоте Холмса, то явно выбитым из колеи.

– Поразительная тупость! – горько сказал Холмс, когда мы ехали домой. – Как можно проворонить такую удачу? Прямо в голове не укладывается!

– А я, признаться, еще блуждаю в темноте. Описание этого человека действительно соответствует вашему портрету второго участника ночных событий. Но зачем ему было возвращаться к дому, когда он его уже покинул? Преступники так себя не ведут.

– Кольцо, дорогой мой, кольцо – вот за чем он вернулся. Если нам не удастся изловить его иначе, мы всегда можем закинуть удочку с этим кольцом. Я поймаю его, доктор, – ставлю два против одного, что поймаю. Но я должен поблагодарить вас за все. Если бы не вы, я вряд ли вылез бы из дому и пропустил бы одно из самых замечательных дел, какие только попадались на моем пути, – прямо этюд в багровых тонах, а? Почему бы не воспользоваться языком художников? Убийство красной нитью вплетено в бесцветный клубок жизни, и наш долг – распутать этот клубок и вытащить из него красную нить, обнажая ее дюйм за дюймом. А теперь пообедаем и отправимся слушать Норман Неруду. Она великолепно владеет смычком. Помните ту вещицу Шопена, которую она так чудесно исполняет: тра-ля-ля-лира-лира-ля?

Откинувшись на спинку сиденья, сыщик-любитель распевал, как жаворонок, а я тем временем предавался раздумьям о многогранности человеческой натуры.

Глава пятая

К НАМ ПРИХОДЯТ ПО ОБЪЯВЛЕНИЮ

Наша утренняя экспедиция оказалась слишком тяжелым испытанием для моего слабого здоровья, и во второй половине дня я почувствовал, что совершенно вымотался. Когда Холмс уехал на концерт, я прилег на диван в надежде подремать часок-другой, но у меня ничего не получилось. Мой мозг был слишком возбужден тем, что произошло, и в нем теснились самые невероятные догадки и предположения. Стоило мне смежить веки, как перед моим мысленным взором вновь возникало искаженное, по-обезьяньи злобное лицо убитого. Оно произвело на меня столь тягостное впечатление, что я при всем желании не мог не испытывать благодарности к тому, кто отправил его обладателя в иной мир. Если существовал когда-либо человек с чертами лица, отражающими самые гнусные пороки души, этим человеком несомненно был Инок Дж. Дреббер из Кливленда. И все же я понимал, что справедливость должна восторжествовать и что испорченность жертвы не может служить оправданием в глазах закона.

Чем дольше я думал обо всем этом, тем менее правдоподобной казалась мне гипотеза моего друга об отравлении. Я помнил, как Холмс понюхал губы убитого, и не сомневался в том, что именно запах навел его на мысль о яде. Опять же, если не яд, то что могло стать причиной смерти – ведь на теле не обнаружили ни ран, ни следов удушения? С другой стороны, чьей кровью было так обильно полито все вокруг? Признаки борьбы отсутствовали, так же как и оружие, которым Дреббер мог ранить своего убийцу. Мне было ясно, что пока все эти вопросы остаются без ответа, ни Холмс, ни я не сможем спать спокойно. Его спокойствие и самоуверенность говорили о том, что он уже придумал теорию, которая объясняет все факты, хотя я был не в силах даже отдаленно представить себе, в чем заключается ее суть.

Он вернулся очень поздно – так поздно, что один концерт не мог быть тому виной. Ужин давно ждал его на столе.

– Это было прекрасно, – сказал он, усаживаясь. – Помните, что Дарвин говорит о музыке? Он утверждает, что способность создавать ее и наслаждаться ею появилась у людей задолго до того, как они обрели дар речи. Возможно, именно поэтому она так глубоко нас волнует. В нашей душе до сих пор хранятся смутные воспоминания о тех туманных веках, когда мир был еще совсем юным.

– Довольно смелая мысль, – заметил я.

– Если хотите понять природу, ваши мысли должны быть смелыми, как она сама, – ответил он. – Но в чем дело? Похоже, вы не в своей тарелке. Вас расстроило это происшествие на Брикстон-роуд?

– Честно говоря, да, – признался я. – После афганских приключений мне следовало бы стать менее впечатлительным. Под Майвандом я видел, как моих товарищей рубят на куски, и не терял самообладания.

– Понимаю. В этом деле есть тайна, которая дает разгуляться фантазии, а где нет простора для фантазий, там нет и страха. Вы читали вечернюю газету?

– Нет.

– В ней опубликован неплохой отчет о случившемся. Там не упоминается, что при выносе тела на пол упало женское обручальное кольцо. И очень хорошо, что так.

– Почему?

– Взгляните на это объявление, – ответил он. – Сегодня утром, сразу после нашей поездки, я разослал его во все газеты.

Он бросил мне газету, и я нашел указанное место. Его объявление было первым в столбце «Находки». «Сегодня утром на Брикстон-роуд, – говорилось в нем, – на участке между трак-

тиром «Белый олень» и Холланд-Гроув, найдено простое золотое обручальное кольцо. Обращаться к доктору Уотсону на Бейкер-стрит, 221-б, с восьми до девяти вечера».

– Простите, что воспользовался вашим именем, – сказал он. – Если бы я назвал свое, кто-нибудь из этих олухов мог бы заметить его и вмешаться.

– Ничего, – ответил я. – Но вдруг кто-нибудь и правда явится? У меня ведь нет кольца.

– Нет, есть, – сказал он, протягивая его мне. – Это вполне сгодится. Оно практически такое же.

– И кто, по-вашему, откликнется на это объявление?

– Кто же, как не человек в коричневом пальто, наш краснолицый друг в тупоносых башмаках? А не придет сам, так пришлет сообщника.

– Думаете, он не испугается?

– Вовсе нет. Если я правильно представляю себе ситуацию – а у меня есть все основания считать, что это так, – он пойдет на любой риск, чтобы вернуть себе кольцо. По моим предположениям, он выронил его, когда наклонился над телом Дреббера, и в тот момент ничего не заметил. Покинув дом, он обнаружил пропажу и поспешил обратно, но там уже оказалась полиция – между прочим, по его собственной вине, потому что он забыл погасить свечу. Чтобы выйти сухим из воды, он вынужден был прикинуться пьяным. А теперь поставьте себя на место этого человека. Обдумав все как следует, он должен сообразить, что мог потерять кольцо и на улице, когда вышел из дома. Каковы его дальнейшие действия? Он кинется просматривать вечерние газеты в надежде увидеть объявление о находке, и наше обязательно попадется ему на глаза. Он будет вне себя от радости. С чего бы ему подозревать ловушку? С его точки зрения, нет никакой связи между находкой кольца и убийством. И он придет. Не может не прийти. Вы увидите его в течение ближайшего часа.

– И тогда?.. – спросил я.

– Не волнуйтесь, я с ним разберусь. У вас есть оружие?

– Мой старый армейский револьвер и несколько патронов к нему.

– Пожалуй, имеет смысл почистить его и зарядить. Этому парню нечего терять, и хотя мы застанем его врасплох, лучше быть готовыми ко всему.

Я поднялся в спальню и последовал его совету. Когда я вернулся с оружием, со стола уже убрали и Холмс предавался своему любимому занятию – пиликал на скрипке.

– Дело близится к развязке, – сообщил он, увидев меня. – Я только что получил ответ на свою американскую телеграмму. Мои соображения были правильны.

– А именно? – жадно спросил я.

– Моей скрипке определенно не помешают новые струны, – заметил он. – Положите пистолет в карман. Когда он войдет, говорите с ним как обычно. Прочее предоставьте мне. Не глядите на него слишком пристально, не то спугнете.

– Уже восемь, – сказал я, взглянув на часы.

– Да. Наверное, он появится через считанные минуты. Приоткройте дверь. Вот так, достаточно. Теперь вставьте ключ с внутренней стороны. Спасибо! Вчера мне попала на книжном лотке любопытная книжонка под названием «De Jure inter Gentes»⁵, изданная на латинском языке в Льеже в 1642 году. Когда этот маленький коричневый томик поступил в продажу, голова Карла еще крепко сидела на плечах.

– А кто издатель?

– Некий Филипп де Круа. На форзаце сильно выцветшими чернилами написано «Ex libris Gulielmi Whyte». Интересно, кто такой был этот Уильям Уайт? Наверно, какой-нибудь практичный юрист семнадцатого века. Ага, кажется, дождались!

---

⁵ «О международном праве» (лат.).

Снаружи громко звякнул звонок. Холмс мягко вскочил и передвинул свое кресло поближе к двери. В прихожей раздались шаги служанки и щелчок открывшегося замка.

– Здесь живет доктор Уотсон? – спросил чистый, но довольно грубый голос.

Нам не было слышно, что ответила служанка, но дверь хлопнула и кто-то стал подниматься по ступеням. Шаги были шаркающими и неуверенными. По лицу моего компаньона скользнула тень недоумения. Наш гость медленно одолел лестничный пролет, и мы услышали слабый стук в дверь.

– Войдите! – крикнул я.

Мое приглашение не осталось без ответа, но вместо рослого преступника, которого мы ждали, порог нашей комнаты переступила морщинистая старуха на подкашивающихся ногах. Похоже, ее ослепил яркий свет, потому что, сделав нам реверанс, она осталась на месте, моргая слезящимися глазками и нервно шаря в кармане дрожащей рукой. Я взглянул на своего товарища и увидел такую разочарованную мину, что еле удержался от смеха.

Старая карга извлекла на свет божий вечернюю газету и ткнула пальцем в наше объявление.

– Я вот зачем пришла, джентльмены, – сказала она, присев еще раз. – За золотым колечком с Брикстон-роуд. Это дочка моей, Салли, – она у меня замужем всего год, а муж у ней на корабле стюардом, и что он скажет, ежели вернется, а она без кольца, так это даже подумать страшно, нраву-то он крутого, а уж когда выпьет, и вовсе спасу нет. Тут ведь как получилось: вчера она возьми да и пойди в цирк вместе с...

– Это ее кольцо? – спросил я.

– Благослови вас господь! – вскричала старуха. – Вот Салли обрадуется! Оно самое.

– А живете вы где? – осведомился я и взял карандаш.

– В Хаундсдиче, на Данкан-стрит, тринадцать. Утомилась, пока до вас дошла.

– Брикстон-роуд вовсе не по дороге из Хаундсдича к цирку, – резко сказал Шерлок Холмс.

Старуха повернулась и остро взглянула на него маленькими глазками из-под воспаленных век.

– Джентльмен спросил, где живу я, – сказала она. – А Салли живет в Пекеме, дом три по Мейфилд-Плейс.

– А фамилия ваша?..

– Я-то Соьер, а она Деннис, потому как вышла за Тома Денниса – славный такой парень, толковый, это когда в море, и у капитана на хорошем счету – ну а как сойдет на берег, так тут уж и женщины, и винцо...

– Вот ваше колечко, миссис Соьер, – перебил я, повинувшись знаку своего компаньона. – Очевидно, оно принадлежит вашей дочери, и я рад, что могу вернуть его законной владелице.

Бормоча слова благодарности и превознося нашу доброту на все лады, старая карга спрятала кольцо в карман и заковыляла прочь. Как только она скрылась из виду, Шерлок Холмс вскочил на ноги и ринулся к себе в комнату. Спустя несколько секунд он вернулся в длинном пальто и шарфе.

– Пойду за ней, – бросил он. – Она наверняка сообщница и приведет меня к нему. Ждите.

Едва за нашей гостьей захлопнулась входная дверь, как Холмс уже бежал вниз по лестнице. Посмотрев в окно, я увидел, что она тащится по другой стороне улицы, а ее преследователь движется за ней в некотором отдалении. «Либо вся его теория неверна, – подумал я, – либо сейчас он проникнет в самое сердце тайны». Холмсу не надо было просить меня дожидаться его: я чувствовал, что все равно не смогу заснуть, пока не узнаю результатов его вылазки.

Когда он ушел, было почти девять. Я не имел понятия о том, сколько мне придется ждать, но упрямо сидел, попыхивая трубкой и листая «Жизнь богемы» Анри Мюрже. Пробыло десять, и я услышал легкие шаги горничной: она отправилась спать. В одиннадцать за моей дверью

раздалась более солидная поступь нашей домохозяйки, удаляющейся с тем же намерением. Дело шло к полуночи, когда до моего слуха донесся резкий звук ключа, повернувшегося в замке. Как только Холмс ступил в комнату, я понял по его виду, что на сей раз удача ему изменила. Веселое восхищение боролось на его лице с досадой; наконец первое чувство победило и он от души расхохотался.

– Ни за что не хотел бы, чтобы об этом узнали в Скотленд-Ярде! – воскликнул он, плюхнувшись в кресло. – Я так часто подтруниваю над ними, что тут они не дали бы мне спуску. Но ничего, можно и посмеяться: я ведь знаю, что в конце концов возьму верх.

– Что случилось? – спросил я.

– С удовольствием расскажу вам, как я опростоволосился. Эта старушенция прошла самую малость, а потом принялась хромать и всячески демонстрировать, что стерла себе ноги. Скоро она и вовсе остановилась и кликнула кеб, который проезжал мимо. Я подобрался поближе, чтобы услышать адрес, но мог бы и не стараться, потому что она завопила на всю улицу: «Хаундсдич, Данкан-стрит, дом тринадцать!» Неужто и правда не врет, подумал я и, увидев, как она залезла внутрь, прицепился сзади. Этим умением должен владеть каждый уважающий себя сыщик. Ну вот, покатали мы куда велено и ни разу не притормозили, покуда ни прибыли на место. Я соскочил раньше, чем мы подъехали к дому, и не торопясь пошел по тротуару, будто гуляю. Смотрю, кеб остановился. Кучер соскочил, открыл дверцу и ждет. А оттуда – никого. Когда я поравнялся с ним, он как полоумный шарил руками в пустом кебе и сыпал такой отборной руганью, какую мне редко доводилось слышать. Его пассажирки и след простыл, и я боюсь, что ему долго придется ждать своих денег. Мы обратились в дом номер тринадцать и выяснили, что он принадлежит почтенному обойщику по фамилии Кезуик и ни о каких Сойерах и Деннисах там и слыхом не слыхали.

– Уж не хотите ли вы сказать, – в изумлении вскричал я, – что эта дряхлая, немощная старуха сумела выскочить из кеба на ходу, да так, что ни вы, ни кучер этого не заметили?

– Как же, старуха! – сердито сказал Холмс. – Это нас с вами одурачили, как старух. К нам приходил молодой человек, очень ловкий и к тому же бесподобный актер. Загримировался он изумительно. Потом, несомненно, заметил за собой слежку и воспользовался этим приемом, чтобы от меня улизнуть. Это показывает, что преступник, за которым мы охотимся, не так одинок, как я воображал, – у него есть друзья, готовые по его просьбе пойти на риск. Знаете что, доктор, вид у вас совсем измученный. Послушайте моего совета и давайте-ка на боковую.

Я и впрямь очень утомился, а потому не стал ему возражать. Я оставил Холмса перед камином с тлеющими угольями и чуть ли не до самого рассвета слышал заунывные причитания его скрипки, говорящие о том, что он все еще размышляет над загадочным делом, которое взялся распутать.

Глава шестая

ТОБИАС ГРЕГСОН ПОКАЗЫВАЕТ, НА ЧТО ОН СПОСОБЕН

Наутро все газеты были полны рассказов о Брикстонской тайне – так нарекли ее репортеры. В каждой приводился по дробный отчет о трагедии, а в некоторых изданиях ей даже посвятили передовицы. Я почерпнул из этих статей кое-какую новую для себя информацию. В моем альбоме до сих пор хранятся многочисленные вырезки и цитаты, относящиеся к данному делу. Вот к чему вкратце сводилось их содержание.

«Дейли телеграф» отмечала, что в анналах криминалистики едва ли сыщется преступление со столь необычными чертами. Немецкое имя жертвы, отсутствие видимых мотивов и зловещая надпись на стене – все это указывало на то, что убийцу следует искать среди революционеров и политических беженцев. В Америке много социалистических обществ; по всей видимости, покойный нарушил их неписанные законы, за что его и покарали. Упомянув мимо-

ходом фемгерихт, акву тофану, карбонариев, маркизу де Бренвилле, теорию Дарвина, принципы Мальтуса и убийства на Рэтклифф-хайвэй⁶, автор завершал свою статью предостережением в адрес правительства и советом установить более пристальный надзор за иностранцами в Англии.

«Стандард» заостряла внимание читателей на том обстоятельстве, что подобные возмутительные беззакония обыкновенно творятся в периоды верховенства либералов. В умах начинается брожение, в результате чего падает авторитет всякой власти. Покойный был американским гражданином, который провел в британской столице несколько недель. Он остановился в пансионе мадам Шарпантье, на Торки-террас в Камберуэлле. В поездке его сопровождал личный секретарь мистер Джозеф Стенджерсон. Оба распрощались с хозяйкой во вторник, четвертого числа текущего месяца, и отбыли на Юстонский вокзал, предварительно заявив о своем намерении отправиться экспрессом в Ливерпуль. Позже их видели вместе на перроне. О том, где они находились и что делали до тех пор, пока тело мистера Дреббера не было обнаружено в пустом доме на Брикстон-роуд, за много миль от Юстона, ровным счетом ничего не известно. Как он туда попал и как встретил свою судьбу – эти вопросы по-прежнему остаются без ответа. Нет сведений и о местопребывании Стенджерсона. Мы с удовольствием узнали, что расследование дела поручено мистеру Лестрейду и мистеру Грегсону из Скотленд-Ярда, и можем с уверенностью предсказать, что наши прославленные детективы очень скоро прольют свет на эту таинственную историю.

«Дейли ньюс» отмечала, что в политическом характере преступления нет никаких сомнений. Деспотизм и ненависть к либерализму, широко распространенные на европейском континенте, стали причиной появления на наших берегах множества людей, из которых вышли бы замечательные граждане, если бы все их существование не было отравлено памятью о пережитом. Эти люди строго соблюдают определенный кодекс чести, малейшее нарушение коего карается смертью. Следует приложить все усилия к тому, чтобы отыскать пропавшего секретаря Стенджерсона и выяснить у него некоторые подробности относительно привычек его нанимателя. Установив адрес пансиона, где обитал покойный, следствие сделало огромный шаг вперед – кстати, достижением этого важного результата мы всецело обязаны энергии и проницательности мистера Грегсона из Скотленд-Ярда.

Все эти заметки мы с Холмсом прочли вместе за завтраком, причем он не скрывал, что они его немало позабавили.

– Я же вам говорил: что бы ни случилось, Лестрейд и Грегсон своего не упустят.

– Еще не известно, чем дело кончится.

– Да Бог с вами, это же совершенно неважно. Если преступника поймают, то *благодаря* их стараниям; если он сбежит, то *несмотря* на их старания. Словом, как в той присказке: орел – я выиграл, решка – ты проиграл. Что бы они ни натворили, у них обязательно найдутся почитатели. Как говорил Буало, глупец глупцу всегда внушает восхищенье⁷ – Что там такое? – воскликнул я, ибо в этот момент в прихожей и на лестнице раздался топот множества ног, сопровождаемый гневными протестами нашей домохозяйки.

– Отряд сыскной полиции с Бейкер-стрит, – серьезно ответил мой компаньон.

Не успел он договорить, как в комнату ввалились несколько самых грязных и оборванных уличных мальчишек, каких мне только доводилось встречать.

– Смирно! – резко скомандовал Холмс, и шестеро чумазых оборванцев выстроились в ряд и замерли, словно изваяния довольно-таки отталкивающего вида. – В будущем пусть приходит докладывать один Уиггинс, а остальные подождут снаружи. Нашли что-нибудь, Уиггинс?

⁶ Фемгерихт – тайный суд в средневековой Германии; аква тофана – яд, названный по имени отравительницы из Италии XVII века; карбонарии – итальянское тайное общество начала XIX века; маркиза де Бренвилле – знаменитая отравительница из Франции (XVII век), убийства на Рэтклифф-хайвэй – громкие преступления, произошедшие в Англии в 1811 году.

⁷ Строка из «Поэтического искусства» (пер. Э. Линецкой).

– Никак нет, сэр, – отвечал один из юнцов.

– Я так и думал. Продолжайте, пока не найдете. Вот вам за работу. – Он вручил каждому по шиллингу. – А теперь вперед, и в следующий раз постарайтесь меня не разочаровать.

Он махнул рукой, и мальчишки прыснули вниз по лестнице, как стайка крыс. Спустя несколько секунд их пронзительные голоса донеслись до нас с улицы.

– От этих маленьких попрошаек больше проку, чем от дюжины полицейских, – сказал Холмс. – В присутствии официального лица из нормального человека слова не вы тянешь. А эти ребята везде пролезут и все услышат. Шустрые, приметливые – им только дисциплины не хватает.

– Они помогают вам в этом брикстонском деле? – спросил я.

– Да, мне надо кое-что уточнить. Но это лишь вопрос времени. Ага! Сейчас мы узнаем все последние новости! По тротуару идет Грегсон, причем каждая его черточка излучает блаженство. Очевидно, он направляется к нам. Да, остановился. Вот и он!

Громко протрезвонил звонок, и вскоре светловолосый детектив взлетел по нашей лестнице, перепрыгивая через три ступеньки зараз, и ворвался к нам в гостиную.

– Мой уважаемый друг! – воскликнул он, трясая безответную руку Холмса. – Поздравьте меня! Я раскусил этот орешек, и теперь все ясно как день.

Мне почудилось, что по выразительному лицу моего компаньона скользнула тень беспокойства.

– Хотите сказать, что вы на верном пути? – спросил он.

– Какое там на пути! Преступник уже сидит у нас под замком!

– И его зовут...

– Артур Шарпантье, младший лейтенант флота Ее Величества! – вскричал Грегсон, самодовольно потирая пухлые руки и выпятив грудь.

У Шерлока Холмса вырвался вздох облегчения, и он умиротворенно улыбнулся.

– Присаживайтесь и попробуйте одну из этих сигар, – сказал он. – Нам не терпится узнать, как вам это удалось. Не угодно ли виски с водой?

– Пожалуй, не откажусь, – ответил сыщик. – Последние два дня потребовали от меня таких огромных усилий, что я совсем измотался. Не столько физических, разумеется, сколько умственных – это было колоссальное напряжение мозга. Уж вы-то меня поймете, мистер Холмс: мы ведь с вами оба привыкли работать головой.

– Вы мне льстите, – серьезно ответил Шерлок Холмс. – Но расскажите же нам, как вы добились столь впечатляющего результата.

Сыщик уселся в кресло и принялся с довольным видом попыхивать сигарой. Потом хлопнул себя по ляжке в приступе внезапного восторга.

– Самое смешное, – воскликнул он, – что этот дурачина Лестрейд, который считает себя умнее всех, пошел по абсолютно ложному следу. Он ищет секретаря Стенджерсона, а тот виновен в убийстве не больше, чем неродившийся младенец. Я уверен, что он его уже засадил.

Эта мысль так развеселила Грегсона, что он смеялся, пока не поперхнулся.

– А как вы нашли ключ к разгадке?

– Сейчас расскажу. Конечно, доктор Уотсон, это строго между нами. Первой трудностью, с которой мы столкнулись, было выяснить прошлое этого американца. Кое-кто ждал бы, пока ответят на его объявление или пока найдутся добровольцы, готовые поделиться информацией. Но у Тобиаса Грегсона другие методы. Помните шляпу, которая лежала рядом с убитым?

– Да, – сказал Холмс. – Цилиндр фирмы «Джон Андервуд и сыновья», номер 129 по Камберуэлл-роуд.

Грегсон сник.

– Вот уж не думал, что вы заметили, – сказал он. – И вы там были?

– Нет.

– Ха! – воскликнул Грегсон, явно утешенный. – В нашем деле нельзя упускать ни одного шанса, каким бы ничтожным он ни казался.

– Для большого ума не существует мелочей, – сентенциозно подтвердил Холмс.

– Итак, я отправился к Андервуду и спросил, продавал ли он шляпу такой-то модели и такого-то размера. Он проверил по своим записям и немедленно отыскал нужную. Он продал шляпу мистеру Дребберу, проживающему в меблированных комнатах мадам Шарпантье на Торки-террас. Вот как я добыл адрес.

– Ловко... очень ловко! – пробормотал Шерлок Холмс.

– Затем я пошел к мадам Шарпантье, – продолжал детектив. – Она выглядела бледной и крайне удрученной. Там сидела и ее дочь, весьма обаятельная девушка, – глаза у нее были красные, а губы, когда я говорил с ней, дрожали. Это не ускользнуло от моего внимания, и я сразу почуял неладное. Вы знаете это чувство, мистер Холмс: когда нападаешь на верный след, всегда испытываешь какой-то внутренний трепет. «Вы слышали о загадочной смерти вашего недавнего съемщика, мистера Инока Дреббера из Кливленда?» – спросил я.

Мать кивнула. Казалось, она не в силах выдать из себя ни слова. Дочь залилась слезами. Теперь я был уже просто уверен: эти люди что-то знают о происшедшем.

«В котором часу мистер Дреббер отправился на вокзал?» – спросил я.

«В восемь, – ответила она, сглотнув, чтобы скрыть волнение. – Его секретарь мистер Стенджерсон сказал, что есть два ливерпульских поезда – один в девять пятнадцать, а другой в одиннадцать. Они собирались ехать на первом».

«Значит, тогда вы видели мистера Дреббера в последний раз?»

Когда я задал этот вопрос, лицо женщины ужасным образом изменилось. Его покрыла смертельная бледность. Лишь через несколько секунд она сумела вымолвить единственное слово «да», и оно прозвучало хрипло и неестественно.

Наступила короткая пауза, а затем дочь спокойным и ясным голосом сказала: «Не надо кривить душой, мама, – это еще никому и никогда не приносило пользы. Будем откровенны с этим джентльменом. Мы видели мистера Дреббера еще раз».

«Да простит тебя Бог! – воскликнула мадам Шарпантье, воздев руки к небу и опустившись в кресло. – Ты погубила своего брата».

«Артур не простил бы нам лжи», – твердо ответила дочь.

«Лучше расскажите мне об этом все сразу, – посоветовал я. – Полупризнание хуже записательства. Кроме того, вы не знаете, как много нам уже известно».

«Пусть это будет на твоей совести, Алиса! – вскричала мать и, обернувшись ко мне, произнесла: – Я расскажу вам все, сэр. Не думайте, что мое беспокойство по поводу сына связано с тем, что он как-то замешан в этом жутком деле. Он абсолютно невиновен. Однако я опасаясь скомпрометировать его в ваших глазах и в глазах общества. Впрочем, это невозможно! Его благородство, его профессия, вся его биография не дадут бросить на него тень».

«Лучшее, что вы можете сделать, – это без утайки изложить мне все факты, – ответил я. – Если ваш сын невиновен, его не осудят».

«Будь добра, Алиса, оставь нас одних, – попросила она, и дочь покорно вышла. – Итак, сэр, – продолжала мать, – я не хотела вам об этом рассказывать, но поскольку моя бедная дочь не смогла промолчать, у меня больше нет выбора. Коли уж я решилась на откровенность, то расскажу все, не упуская ни малейшей подробности».

«Это самое мудрое с вашей стороны», – заверил ее я.

«Мистер Дреббер прожил у нас почти три недели. До этого он и его секретарь мистер Стенджерсон путешествовали по Европе. Я заметила на их чемоданах копенгагенские наклейки – значит, там они в последний раз останавливались на континенте. Стенджерсон всегда вел себя спокойно и вежливо, но о его нанимателе, к моему огромному сожалению, нельзя сказать ничего подобного. Он отличался грубостью и дурными манерами. Поселившись у нас,

он сильно напился в первый же вечер, и вообще, после полудня его редко можно было увидеть трезвым. С горничными он держался до безобразия нахально и развязно. Но хуже всего то, что скоро он вздумал поставить на одну доску с ними мою дочь Алису и не однажды обращался к ней с репликами, смысл которых она, к счастью, не понимала по своей невинности. Как-то раз он буквально схватил ее и сжал в объятиях – выходка, которая даже терпеливого мистера Стенджерсона вынудила упрекнуть его в недостойном поведении».

«Но почему вы все это терпели? – спросил я. – Разве вы не можете избавиться от своих постояльцев в любой момент?»

Этот вполне логичный вопрос заставил миссис Шарпантье покраснеть.

«Видит Бог, я в первый же день сделала ему замечание, – ответила она. – Но соблазн был велик. Они платили по фунту в день за каждого – четырнадцать фунтов в неделю, а нынче ведь не сезон. Я вдова, и служба моего сына во флоте недешево мне обходится. Мне жаль было терять такие деньги, и я надеялась на лучшее. Однако в последний раз он хватил через край, и я велела ему немедленно освободить комнаты. Потому-то он нас и покинул».

«И?...»

«Когда я спровадила их, на сердце у меня полегчало. Мой сын недавно приехал на побывку, но я ничего ему не рассказывала, потому что он очень вспыльчив и к тому же обожает свою сестру. Когда я закрыла за ними дверь, у меня точно камень с души свалился. Увы, не прошло и часа, как раздался звонок – оказалось, что это вернулся мистер Дреббер. Он был сильно возбужден и явно успел как следует хлебнуть из бутылки. Он вломился в гостиную, где сидели мы с дочерью, и невнятно пробормотал, что опоздал на поезд. Затем повернулся к Алисе и прямо у меня на глазах предложил ей уехать с ним. «Ты уже совершеннолетняя, – сказал он, – и нет такого закона, чтоб тебя удержать. Денег у меня куры не клюют. Не обращай внимания на свою старуху, бери вещи и поедем со мной. Будешь жить, как принцесса». Бедняжка Алиса не знала, куда деваться с перепугу, а он схватил ее за руку и поволок к двери. Я закричала, и тут в комнату вошел мой сын Артур. Что случилось после, я не видела: мне было страшно поднять голову. Я только слышала ругань и шум борьбы. А когда наконец подняла глаза, Артур стоял на пороге с тростью и смеялся. «Думаю, этот красавец больше не будет нам досаждать, – сказал он. – Пойду погляжу, как он там». С этими словами он взял шляпу и вышел на улицу. А утром мы услышали о загадочной смерти мистера Дреббера».

Все это миссис Шарпантье поведала мне с многочисленными вздохами и паузами. Временами она говорила так тихо, что мне едва удавалось ее расслышать. Тем не менее я успел застенографировать ее рассказ, так что ошибки исключены.

– Ну что ж, это весьма интересно, – сказал Шерлок Холмс и зевнул. – А что было дальше?

– Когда миссис Шарпантье закончила, – продолжал сыщик, – я понял, что все в этом деле зависит от одного важнейшего обстоятельства. Посмотрев на нее тем пристальным взглядом, который, по моим наблюдениям, всегда безотказно действует на женщин, я спросил, когда ее сын вернулся домой.

«Не знаю», – ответила она.

«Не знаете?»

«Нет. У него свой ключ, и он сам открыл себе дверь».

«После того, как вы легли спать?»

«Да».

«А когда вы легли?»

«Примерно в одиннадцать».

«Значит, ваш сын отсутствовал по меньшей мере часа два?»

«Да».

«А может быть, четыре или пять?»

«Возможно».

«И что же он делал все это время?»

«Не знаю», – сказала она, побелев как полотно.

Разумеется, после этого спрашивать было уже нечего. Я выяснил, где находится лейтенант Шарпантье, взял с собой двух полицейских и арестовал его. Когда я взял его за плечо и попросил тихо пройти с нами, он ответил без всякого смущения: «Полагаю, вы считаете меня виновным в смерти этого подлеца Дреббера». Прямо так и сказал, а ведь мы ему ничего не говорили. Согласитесь, что это выглядит чрезвычайно подозрительно.

– Ваша правда, – согласился Холмс.

– У него еще была трость, с которой он, по словам матери, бросился вдогонку за Дреббером. Такая тяжелая дубовая палка.

– И какова же ваша теория?

– Ну, я думаю, что он гнался за Дреббером до самой Брикстон-роуд. Там они опять сцепились, Дреббер получил удар тростью – наверное, в живот, – и умер, причем на его теле не осталось никаких ран. Ночь была такая дождливая, что никто их не видел, и Шарпантье затащил труп в пустой дом. Что же касается свечи, крови, надписи на стене и кольца, то все это просто уловки, чтобы направить полицию по ложному следу.

– Отлично! – ободряющим тоном воскликнул Холмс. – Ей-богу, Грегсон, вы делаете успехи. Я уверен, что вы далеко пойдете.

– Признаться, я и сам считаю, что недурно справился с этой задачкой, – самодовольно ответил детектив. – В своих официальных показаниях молодой человек заявил, что некоторое время преследовал Дреббера, после чего тот заметил его и взял кеб, чтобы от него отвязаться. По дороге домой Шарпантье якобы встретил старого флотского товарища и долго гулял с ним. На вопрос, где живет этот старый товарищ, он не смог дать вразумительного ответа. Думаю, все детали головоломки безупречно складываются в одно целое. Но Лестрейд-то, Лестрейд – смех, да и только! Думаю, он немного найдет там, где ищет. Ага, да вот и он сам!

И вправду, мы так увлеклись разговором, что не заметили, как Лестрейд поднялся по лестнице и перешагнул порог комнаты. Однако свойственные ему самоуверенность и подтянутость куда-то пропали. Лицо его было расстроенным и озабоченным, а одежда испачкалась и пришла в беспорядок. Он явно хотел посоветоваться о чем-то с Шерлоком Холмсом, но, увидев коллегу, смутился и растерялся. Он застыл посреди нашей гостиной, нервно теребя в руках шляпу.

– Это просто невероятно, – промолвил он наконец. – Непостижимое дело...

– Неужели, мистер Лестрейд! – торжествующе воскликнул Грегсон. – Я предвидел, что вы придете к такому выводу. Вам удалось найти секретаря, этого мистера Стенджерсона?

– Секретарь Дреббера, мистер Стенджерсон, – серьезно сказал Лестрейд, – убит в гостиной «Халлидей» сегодня около шести часов утра.

Глава седьмая СВЕТ ВО ТЬМЕ

Трагическое известие, которое принес нам Лестрейд, было столь неожиданным, что ошеломило нас всех. Грегсон вскочил с кресла, опрокинув остатки виски с водой. Я молча обратил взгляд на Шерлока Холмса, а он сжал губы и насупил брови.

– И Стенджерсон тоже! – пробормотал мой друг. – Тучи сгущаются.

– Солнца и так давно не видать, – проворчал Лестрейд и взялся за стул. – А у вас тут что, военный совет? Извините за вторжение.

– А вы... вы уверены, что это не ложная информация? – запинаясь, спросил Грегсон.

– Я только что из его номера, – сказал Лестрейд. – Я сам первым и обнаружил, что произошло.

– Грегсон знакомил нас со своей точкой зрения на случившееся, – объяснил Холмс. – А вы не могли бы рассказать нам, чем были заняты и что вам удалось узнать?

– Пожалуйста, – ответил Лестрейд, усаживаясь. – Мне не стыдно признаться, что я считал Стенджерсона замешанным в убийстве Дреббера. Мое утреннее открытие показало, что я грубо ошибался. Однако до этого, пребывая в своем заблуждении, я решил любой ценой выяснить, что стало с секретарем. Вечером третьего числа, примерно в половине девятого, их обоих видели на Юстонском вокзале. В два пополудни Дреббера нашли мертвым на Брикстон-роуд. Передо мной стоял вопрос: что делал Стенджерсон с восьми тридцати до того часа, когда было совершено преступление, и куда он девался после? Я телеграфировал в Ливерпуль, дал описание этого человека и попросил тамошнюю полицию следить за американскими судами. Затем принялся обзванивать все гостиницы и пансионы поблизости от Юстона. Я рассуждал так: если Дреббер расстался со своим спутником, то для последнего естественно было бы устроиться на ночлег где-нибудь неподалеку, чтобы следующим утром опять вернуться на вокзал.

– Они могли заранее договориться о встрече в каком-то месте, – обронил Холмс.

– Так оно и оказалось. Весь вчерашний вечер я наводил справки, но безрезультатно. Сегодня утром взялся за дело пораньше и часов около восьми зашел в «Халлидей», маленькую гостиницу на Литл-Джордж-стрит. На вопрос, проживает ли у них мистер Стенджерсон, мне тут же ответили утвердительно.

«Наверное, вы и есть тот джентльмен, о котором он говорил, – сказали мне. – Он дожидается вас уже два дня».

«Где он сейчас?» – спросил я.

«Наверху, в постели. Он просил разбудить его в девять».

«Я немедленно поднимусь к нему», – сказал я.

У меня возникла надежда, что мое внезапное появление выбьет его из колеи и он с перепугу сболтнет что-нибудь важное. Коридорный вызвался проводить меня в номер Стенджерсона, на третий этаж. Мы поднялись туда, мальчик показал мне нужную дверь и собирался уже спуститься вниз, как вдруг я заметил нечто такое, от чего мне стало дурно, несмотря на мой двадцатилетний опыт. Из-под двери вытекала тонкая красная ленточка – это была кровь, которая пересекла коридор и образовала лужицу у плинтуса на другой стороне. Я окликнул мальчишку, и он тут же прибежал обратно. Чуть не упал в обморок, когда это увидел. Дверь оказалась запертой изнутри, но мы навалились на нее плечами и выломали. Окно в номере было распахнуто, а под ним, сжавшись в комок, лежал мертвый человек в ночной рубашке. Он умер довольно давно, поскольку его конечности успели похолодеть и одеревенеть. Когда мы его перевернули, мальчуган сразу признал в нем того самого джентльмена, который снял у них комнату под именем Джозефа Стенджерсона. В его левом боку зияла глубокая ножевая рана – видимо, удар достиг сердца и стал причиной смерти. А теперь самое странное во всей этой истории. Угадайте, что было над телом?

Ответ Шерлока Холмса еще не успел прозвучать, как по коже у меня поползли мурашки, предвестие грядущего ужаса.

– Слово «Rache», написанное кровью, – сказал он.

– Именно так, – с благоговейным страхом в голосе подтвердил Лестрейд, и все мы на минуту притихли.

В действиях неведомого убийцы было нечто расчетливое и непостижимое, делавшее его преступления еще более чудовищными. Стоило мне подумать об этом, как мои нервы, которые никогда не подводили меня на поле боя, невольно начинали трепетать.

– Его видели, – вновь заговорил Лестрейд. – Подручный молочника, направляясь за своим товаром, проходил по дорожке, ведущей к конюшням на задах гостиницы. Он заметил, что деревянная лестница, которая обычно лежала на земле, приставлена к одному из окон третьего этажа, а само окно раскрыто. Пройдя мимо, он оглянулся и увидел, как по лестнице

спускается человек. Он слезал так спокойно, ни от кого не прячась, что парень принял его за мастерового, которого вызвали что-то починить. В общем, не обратил на него особенного внимания, только подумал, что рановато тот взялся за работу. У него осталось впечатление, что человек был высокий, с красноватым лицом, одетый в длинное коричневое пальто. Должно быть, он ненадолго задержался в комнате, потому что мы нашли тазик с грязной водой, где он отмывал руки от крови, и следы на простыне, о которую он вытер свой нож.

Услышав описание убийцы, так точно совпавшее с предсказаниями Холмса, я взглянул на своего друга, но не увидел на его лице никаких признаков радости или хотя бы удовлетворения.

– Вы не нашли в комнате ничего, указывающего на личность преступника? – спросил он.

– Нет. В кармане у Стенджерсона был кошелек Дреббера, но это вовсе не странно, поскольку обычно он расплачивался за обоих. Мы насчитали в кошельке восемьдесят с лишним фунтов; убийца их не тронул. Каковы бы ни были мотивы этих невероятных преступлений, ограбление явно не входит в их число. В карманах убитого не обнаружено ни записок, ни документов – только телеграмма, отправленная с месяц назад из Кливленда и состоящая из одной фразы: «Дж. Х. в Европе». Подписи нет.

– Что-нибудь еще? – спросил Холмс.

– Больше ничего существенного. На кровати лежала книга, которую покойник читал перед сном, а рядом, на стуле, его трубка. На столе был стакан с водой, а на подоконнике – маленькая жестяная баночка с двумя пилюлями.

С довольным возгласом Шерлок Холмс вскочил на ноги.

– Это последнее звено! – воскликнул он. – Теперь я знаю все.

Двое сыщиков уставились на него в изумлении.

– Теперь, – уверенно продолжал мой компаньон, – я держу в руках все нити этого запутанного клубка. Конечно, кое-какие подробности еще предстоит выяснить, однако я так хорошо представляю себе все основные события, про изошедшие с момента расставания Дреббера со Стенджерсоном на вокзале вплоть до обнаружения тела последнего, как если бы наблюдал их своими собственными глазами. Я могу доказать вам, что не фантазирую. У вас, часом, нет с собой тех самых пилюль?

– Есть, – отозвался Лестрейд, вынимая небольшую белую коробочку. – Я забрал их, а заодно и кошелек с телеграммой, чтобы положить все это в надежное место в полицейском участке. Честно сказать, пилюли я захватил совершенно случайно, потому что не придавал им никакого значения.

– Давайте их сюда, – велел Холмс. – Ну-ка, доктор, – обернулся он ко мне, – как по-вашему, это обыкновенное лекарство?

Я отрицательно покачал головой. Пилюли были жемчужно-серого цвета, маленькие, круглые и почти прозрачные, если смотреть на свет.

– Судя по их легкости и прозрачности, они должны хорошо растворяться в воде, – предположил я.

– Совершенно верно, – согласился Холмс. – А теперь не возьмете ли вы на себя труд спуститься вниз и принести того беднягу терьера, который давным-давно болеет и которого наша хозяйка вчера просила избавить от мучений?

Я сходил вниз и принес несчастного пса на руках. Его затрудненное дыхание и остекленевший взгляд говорили, что жить ему осталось недолго. Снежно-белая морда свидетельствовала о том, что по собачьим меркам он уже древний старик. Я положил его вместе с подушкой на ковер.

– Позвольте мне разрезать одну из этих пилюль пополам, – сказал Холмс и, достав перочинный нож, претворил свое намерение в действие. – Одну половинку мы вернем в баночку в целях сохранения улики. Другую я опускаю в стакан с ложкой воды. Вы видите, что наш приятель доктор не ошибся: она мгновенно растворилась.

– Все это очень любопытно, – сказал Лестрейд уязвленным тоном человека, подозревающего, что его разыгрывают. – Но я не понимаю, какая связь между вашими экспериментами и смертью Джозефа Стенджерсона.

– Терпение, друг мой, терпение! Скоро вы поймете, что связь самая непосредственная. Сейчас я добавлю сюда капельку молока, чтобы сделать смесь не такой противной на вкус, затем мы предложим ее собаке, и она с удовольствием примет нашу микстуру.

С этими словами он вылил содержимое стакана в блюдечко и поставил последнее перед терьером, который тут же вылизал его досуха. Серьезность и уверенность Шерлока Холмса произвели на нас столь сильное впечатление, что мы сидели молча, внимательно наблюдая за животным и ожидая какого-то поразительного результата. Однако мы его не дождалась. Пес по-прежнему лежал, растянувшись на подушке, и тяжело дышал; похоже было, что от нашего эликсира ему не сделалось ни лучше ни хуже.

Холмс вынул карманные часы, и по мере того как минута пробегала за минутой, на его лице все более явственно проступало выражение глубочайшей досады и разочарования. Он покусывал губы, барабанил пальцами по столу и выказывал все прочие признаки острого нетерпения. Он был так взволнован, что мне стало его искренне жаль, тогда как оба сыщика насмешливо улыбались, отнюдь не расстроенные препятствием, вставшим на его пути.

– Нет-нет, что-то здесь не так! – воскликнул он на конец, вскочив со стула, и принялся нервно расхаживать по комнате взад и вперед. – Я не могу представить себе, чтобы это оказалось простым совпадением. Те самые пилюли, о существовании которых я подозревал в связи с делом Дреббера, найдены после смерти Стенджерсона. Однако они не действуют. Что это значит? Не может же быть неверной вся цепочка моих рассуждений. Это полностью исключено! И тем не менее собаке не стало хуже. А-а, я понял! Понял! – С возгласом, преисполненным ликования, он бросился к баночке, разрезал пополам вторую пилюлю, растворил ее, добавил молоко и поставил эту новую смесь перед терьером. Едва несчастный пес коснулся ее языком, как по всем его членам пробежала судорога и он замер, не подвижный и бездыханный, словно пораженный молнией.

Шерлок Холмс облегченно вздохнул и вытер со лба пот.

– Нужно больше верить в себя, – сказал он. – К этому времени мне уже давно пора было понять, что если какой-либо факт кажется противоречащим длинной цепочке выводов, то он обязательно допускает иное толкование. Одна из двух пилюль в баночке содержит смертельный яд, другая же абсолютно безвредна. Мне следовало догадаться об этом еще до того, как я их увидел.

Это последнее заявление было, на мой взгляд, настолько нелепым, что его едва ли мог сделать человек, находящийся в здравом рассудке. Однако перед нами лежала мертвая собака, что подтверждало справедливость слов моего друга. Мне показалось, что туман в моем собственном мозгу понемногу рассеивается и сквозь него медленно проступают смутные очертания истины.

– Наверное, вы недоумеваете, – продолжал Холмс, – а все потому, что в самом начале расследования вам не удалось оценить важность единственной реальной улики, оставленной на месте преступления. Мне же повезло: я сразу ухватился за нее, и все дальнейшие события лишь подтверждали мое первое предположение – собственно говоря, логически вытекали из него. Таким образом, то, что озадачивало вас и усложняло дело в ваших глазах, проясняло его для меня и укрепляло мою убежденность в том, что я прав. Ошибочно считать, будто необычное дело труднее распутать. Зачастую самым загадочным оказывается самое заурядное преступление, ибо в нем нет новых или характерных особенностей, от которых можно было бы оттолкнуться. Раскрыть это убийство было бы гораздо сложнее, если бы труп жертвы просто нашли на дороге без всяких экзотических и сенсационных сопутствующих обстоятельств, превра-

щающих его в уникальное. Эти странности не только не мешают расследованию, а наоборот, значительно облегчают его.

Грегсон, слушавший эту лекцию с явным нетерпением, наконец не выдержал.

– Ну вот что, мистер Холмс, – сказал он. – Все мы охотно признаем, что вы умный человек и у вас свои методы работы. Но сейчас нам мало одних теорий и поучений. Мы должны найти преступника. У меня была своя гипотеза, но она себя не оправдала. Молодой Шарпантье не мог совершить второе убийство. Лестрейд преследовал своего подозреваемого, Стенджерсона, но и он, похоже, ошибся. А вы все продолжаете потчевать нас намеками, давая понять, что знаете больше нашего, но пришло время, когда мы чувствуем себя вправе спросить вас без обиняков, что вам известно об этом деле. Вы можете назвать имя убийцы?

– На этот раз я согласен с Грегсоном, сэр, – заметил Лестрейд. – Мы оба пытались раскрыть дело, и обоих постигла неудача. За то время, что я нахожусь у вас в комнате, вы уже неоднократно заявляли, что вам вполне хватило улик для определения виновного. Настала пора поделиться с нами своими выводами.

– Если мы промедлим с арестом преступника, – добавил я, – он может совершить еще какое-нибудь злодейство.

Под нашим общим напором Холмс видимо заколебался. Он по-прежнему мерил шагами комнату, опустив голову на грудь и нахмутив брови, – я уже знал, что эти приметы говорят о напряженной работе мысли.

– Убийств больше не будет, – сказал он наконец, вне запяно остановившись и обернувшись к нам. – Насчет этого можете не беспокоиться. Вы спросили меня, знаю ли я имя убийцы. Да, знаю. Но знать имя недостаточно, чтобы поймать убийцу, а именно это я и собираюсь сделать, причем очень скоро. У меня есть все основания рассчитывать на успех моего плана, однако здесь необходима крайняя осторожность, поскольку нам предстоит заманить в ловушку проницательного и отчаянного человека, которому, как я имел случай убедиться, помогает не менее умный товарищ. Пока этот человек не догадывается о том, что он на крючке, у нас есть шанс изловить его, но стоит ему хоть что-нибудь заподозрить, как он сразу же поменяет имя и затеряется среди четырехмиллионного населения нашего огромного города. Не питая ни малейшего намерения задеть чьи-либо чувства, я вынужден сказать, что официальным защитникам правопорядка едва ли по силам справиться с нашими противниками – вот почему я не стал просить у вас содействия. Разумеется, если я потерплю неудачу, то возьму всю вину на себя. Пока же я могу пообещать вам лишь одно: как только я пойму, что могу ответить на ваши вопросы, не ставя свой план под угрозу срыва, я немедленно это сделаю.

Похоже, Грегсон и Лестрейд мало обрадовались этому заверению и еще меньше – уничтожительной характеристике, которую Холмс дал столичной полиции. Первый покраснел до самых корней своих льяных волос, тогда как глаза-бусинки второго заблестели от любопытства и негодования. Впрочем, ни один из них не успел ничего сказать, потому что в дверь неожиданно постучали и на пороге возник не кто иной, как юный Уиггинс, немывтый и нечесанный представитель отряда уличных мальчишек.

– Это я, сэр, – промолвил он, дотронувшись до своего вихра. – Кеб внизу, как вы велели.

– Молодец, парень, – поощрительно сказал Холмс. – Почему бы вам в Скотленд-Ярде не взять на вооружение эту новую модель? – продолжал он, вынимая из ящика письменного стола пару стальных наручников. – Смотрите, как прекрасно работает пружина. Щелк, и готово.

– Ничего, сойдет и старая, – заметил Лестрейд. – Было бы на кого их надеть.

– Ладно, ладно, – улыбаясь, откликнулся Холмс. – Думаю, кебмен поможет мне снести вниз вещи. Попроси его подняться к нам, Уиггинс.

Меня удивило, что мой компаньон собрался в путешествие, не сказав мне об этом ни слова. В комнате была небольшая дорожная сумка; Холмс вытащил ее на середину комнаты и

принялся застегивать. Он не оставил этого увлекательного занятия и тогда, когда вошел кебмен.

– Пожалуйста, уважаемый, помогите мне затянуть этот ремень, – бросил Холмс через плечо, стоя на коленях и да же не повернув головы.

С несколько мрачным, вызывающим видом кебмен шагнул вперед и протянул руки к сумке. В тот же миг раздался резкий щелчок, лязг металла, и Шерлок Холмс вскочил на ноги.

– Джентльмены, – воскликнул он, сверкая глазами, – позвольте представить вам мистера Джефферсона Хоупа, убийцу Инока Дреббера и Джозефа Стенджерсона!

Все произошло в одно мгновение, так быстро, что я попросту не успел осознать случившееся. Но у меня прочно отпечатались в памяти эта сцена – торжество, написанное на лице Холмса, и его звонкий голос, свирепая и ошеломленная физиономия кебмена, воззрившегося на блестящие наручники, которые очутились на его запястьях словно по волшебству. На несколько секунд все мы будто превратились в скульптурную группу. Затем, издав яростный нечленораздельный рев, плененный мужчина вырвался из рук Холмса и метнулся к окну. Стекло и рама не выдержали атаки, но прежде чем беглец целиком оказался снаружи, Грегсон, Лестрейд и Холмс прыгнули на него, точно свора охотничьих собак на загнанного оленя. Его втащили обратно в комнату, и завязалась нешуточная борьба. Он был так могуч и сопротивлялся так неистово, что снова и снова стряхивал с себя всю нашу четверку. Он бился с неестественной силой, как человек в эпилептическом припадке. Его лицо и руки были страшно изранены осколками оконного стекла, но потеря крови, похоже, ни на йоту не убавила его мощи. И только когда Лестрейд сумел просунуть руку под шейный платок великана и чуть не придушил его, он наконец смирился; но даже после этого мы не чувствовали себя спокойно, пока не связали ему еще и ноги. Затем все мы поднялись с пола, пыхтя и отдуваясь.

– Там внизу пустой кеб, – сказал Шерлок Холмс. – Как раз пригодится, чтобы отвезти его в Скотленд-Ярд. Итак, джентльмены, – продолжал он с любезной улыбкой, – нашей маленькой тайне пришел конец. Прошу вас, задавайте мне любые вопросы и не бойтесь, что я откажусь отвечать.

Часть II Страна святых

Глава первая НА ВЕЛИКОЙ СОЛЯНОЙ РАВНИНЕ

В центральной части огромного североамериканского континента лежит бесплодная, губительная для всего живого пустыня, которая долгие годы была непреодолимым барьером на пути цивилизации. От Сьерра-Невады до Небраски, между реками Йеллоустон на севере и Колорадо на юге простирается царство тишины и запустения. Однако даже в пределах этой унылой области Природа показывает разные лики. Здесь есть высокие горы, увенчанные снегом, и темные, мрачные долины, есть быстрые потоки, стремительно несущиеся по зигзагам ущелий, и обширные равнины, зимой белые от снега, а летом серые от едкой соляной пыли. Впрочем, все уголки этого края объединяет одно: здесь везде голо, хмуро и неуютно.

В этой юдоли отчаяния нет человеческих поселений. Случается, что индейские племена, пауни или черноногие, пересекают ее в поисках новых охотничьих угодий, но даже отважнейшие из отважных радуются, оставив позади эти угрюмые просторы и вновь очутившись в родных прериях. В дремучем кустарнике прячется койот, тяжело хлопает крыльями в воздухе канюк да неуклюжий медведь-гризли пробирается по тенистым ущельям, ища себе среди камней скудное пропитание, – вот и все обитатели этой дикой местности.

На всем белом свете нет вида тоскливее того, что открывается с северных склонов Сьерра-Бланко. Насколько хватает глаз раскинулась бесконечная плоская равнина с разбросанными по ней пятнами солончаков и зарослями карликового дуба – чапарралем. Далеко-далеко, на самом горизонте, маячит цепь горных пиков – скалистые вершины, на которых кое-где поблескивает снег. На всем этом бескрайнем пространстве нет ни самой жизни, ни чего-либо напоминающего о ней. В небесах иссиня-стального цвета не кружат птицы, на бесплодной серой земле нет движения, и повсюду разлита абсолютная тишь. Как ни прислушивайся, твое ухо не уловит даже слабого звука. На многие мили вокруг нет ничего, кроме тишины – мертвой, гнетущей тишины.

Выше было сказано, что на этих широких равнинах нет ничего, напоминающего о жизни. Пожалуй, это не так. Посмотрев вниз со Сьерра-Бланко, вы можете увидеть в пустыне дорогу – она вьется по ней и исчезает вдаль. Эта дорога проторена тележными колесами и протоптана ногами бесчисленных искателей приключений. Там и сям на ней белеют какие-то предметы; они блестят под лучами солнца, выделяясь на невыразительном сером фоне солончаков. Подойдите и приглядитесь к ним! Это кости – одни крупные и грубые, другие потоньше и более хрупкие. Первые когда-то принадлежали быкам, вторые – людям. На полторы тысячи миль тянется этот жуткий тракт, усеянный останками тех, кто пал на его обочине.

Четвертого мая тысяча восемьсот сорок седьмого года эта картина открылась взору перевалившего через горы одинокого путника. Сам он выглядел так, что вполне мог бы сойти за гения или демона здешних мест. Сторонний наблюдатель затруднился бы определить, сколько ему лет – около сорока или ближе к шестидесяти. Его лицо было худым и изможденным; сухая, похожая на пергамент кожа туго обтягивала выступающие кости. Длинные русые волосы и бороду щедро посеребрила седина. Глубоко сидящие глаза горели неестественным огнем, а рука, сжимающая винтовку, мало чем отличалась от руки скелета, ибо на ней почти не осталось плоти. Стоя, он опирался на свое оружие, хотя его высокий рост и крепкое телосложение говорили о врожденной силе и выносливости. Однако по его изнуренному лицу и одежде, которая

мешком висела на исхудавшей фигуре, можно было понять, отчего он кажется таким дряхлым и немощным. Этот человек умирал – умирал от голода и жажды.

Он кое-как спустился по горной ложине и поднялся на эту небольшую возвышенность в тщетной надежде увидеть какие-нибудь признаки воды. Но перед его глазами простиралась лишь великая соляная равнина, окаймленная далекой грядой суровых гор, без единого деревца или иного растения, которое говорило бы о присутствии живительной влаги. На всем этом необъятном просторе не было и проблеска надежды. На север, на восток и на запад обращал несчастный свой пытливый взор и наконец понял, что его странствия подошли к завершению и что здесь, на этом безотрадном холме, ему суждено умереть. «Почему бы и нет – разве оно хуже, чем на пуховой перине лет через двадцать?» – пробормотал он себе под нос, усаживаясь под сенью массивного валуна.

Прежде чем сесть, он положил рядом ненужную теперь винтовку, а также большой узел, который нес на правом плече. Это было нечто завернутое в серую шаль и, похоже, чересчур тяжелое для его измученного организма, потому что, опуская, он чуть не выронил его и привел в соприкосновение с землей не слишком бережно. Тут же из серого свертка донесся негромкий вскрик, а затем оттуда показалось испуганное личико с очень яркими карими глазами и два маленьких веснушчатых кулачка с ямочками.

– Ты меня ушиб! – с укором произнес детский голосок.

– Правда? – виновато отозвался человек. – Я не хотел.

Он развернул серую шаль и высвободил из нее хорошенькую девочку лет пяти. Ее элегантные туфельки и чудесное розовое платьице с полотняным передником говорили о материнской заботе и внимании. Девочка была болезненно бледна, но, судя по ее крепеньким ножкам и ручкам, ей пришлось перенести меньше лишений, чем ее спутнику.

– Что, больно? – с тревогой спросил он, поскольку она все еще потирала затылок, покрытый спутанными золотыми кудряшками.

– Поцелуй, и пройдет, – сказала она с глубокой серьезностью, подставляя ему ушибленное место. – Так всегда делала мама. А где она?

– Мама ушла. Думаю, ты скоро с ней увидишься.

– Ушла? – удивилась девочка. – Странно. А почему она не попрощалась? Она всегда прощалась, даже когда уходила к тете пить чай, а теперь ее нет уже три дня. Слушай, тут ужасно сухо, правда? У нас нет воды или чего-нибудь поесть?

– Ничего нет, милая. Надо еще немножко потерпеть, и все образуется. Положи-ка головку вот сюда, ко мне на колени, и тебе сразу станет веселей. Не очень-то легко говорить, когда губы точно кожаные, но мне сдается, что лучше рассказать тебе все начистоту. Что это у тебя такое?

– Смотри, какая прелесть! Какие красивые! – пылко воскликнула девочка, протягивая ему два блестящих кусочка слюды. – Когда мы вернемся домой, я подарю их братцу Бобу.

– Скоро ты увидишь кое-что покрасивей этого, – заверил ее мужчина. – Надо только чуток обождать. Да, я ведь собирался сказать тебе... помнишь, как мы ушли с реки?

– Да.

– Понимаешь, мы думали, что скоро найдем другую реку. Но что-то не получилось: то ли компас подвел, то ли карта... словом, не нашли мы ее. Вода у нас кончилась. Осталась только капелька-другая для таких, как ты, и... и...

– И тебе нечем было умыться, – перебила девочка серьезным тоном, глядя снизу вверх на его чумазое лицо.

– Ну да, и попить тоже нечего. И мистер Бендер ушел от нас первым, а потом индеец Пит, а потом миссис Макгрегор, а потом Джонни Хоунс, а потом и твоя мать.

– Значит, мама тоже умерла! – воскликнула девочка, уткнувшись личиком в передник, и горько зарыдала.

– Да, они все ушли, кроме нас с тобой. Потом я подумал, что если пойти в этом направлении, можно наткнуться на воду. Тогда я посадил тебя на плечо, и мы отправились сюда вместе. Только по всему видать, что нам снова не повезло. Теперь мы с тобой вряд ли выкрутимся!

– Ты хочешь сказать, мы тоже умрем? – спросила девчушка, перестав плакать и подняв к нему залитое слезами личико.

– Ну, в общем, примерно так.

– Что же ты раньше не сказал? – воскликнула она с радостным смехом. – Я так испугалась! А раз мы умрем, то скоро опять будем с мамой.

– Да, ты будешь с ней, милая.

– И ты тоже. Я расскажу ей, какой ты хороший. Спорим, она встретит нас у дверей на небо с большим кувшином воды и кучей гречневых оладушек, горячих и поджаренных с обеих сторон, как нравится нам с Бобом! А сколько еще ждать?

– Не знаю... недолго. – Взгляд мужчины был прикован к северному горизонту. На голубом небосводе возникли три крошечных пятнышка, которые с каждой секундой вырастали в размерах – так быстро они приближались. Вскоре пятнышки превратились в трех больших коричневых птиц; они покружились над головами путников, а потом сели на скалы неподалеку от них. Это были канюки – стервятники западных земель, чье появление предвещает смерть.

– Петушки и курочки! – ликующе закричала девочка, указывая на этих зловещих часовых, и захлопала в ладоши, заставив их снова подняться в воздух. – Скажи, а это место тоже создал Бог?

– Конечно, а кто ж еще? – ответил ее старший товарищ, несколько сбитый с толку этим неожиданным вопросом.

– Он сделал Иллинойс и реку Миссури, – продолжала девочка. – А это место, по-моему, делал кто-то другой. Оно получилось гораздо хуже. Про воду забыли, и про деревья.

– Как ты думаешь, может, нам помолиться? – нерешительно предложил мужчина.

– Но ведь еще не вечер, – ответила малышка.

– Неважно. Хоть оно и не по расписанию, но Бог не обидится, это уж точно. Ты прочитай те молитвы, что читала каждый вечер в фургоне, когда мы ехали по равнинам.

– А почему ты сам не прочитаешь? – спросила девочка, удивленно поглядев на него.

– Я их забыл, – признался он. – В последний раз я молился, когда был росточком с половиной этого ружья. Но лучше поздно, чем никогда. Ты читай, а я буду за тобой повторять.

– Тогда тебе надо встать на колени, и мне тоже, – сказала она, расстилая на камнях шаль. – А руки подними вот так. Тогда тебе сразу станет хорошо.

Это была странная картина, хотя ее видели только канюки. На узкой шали бок о бок стояли два коленапоклоненных путника – маленькая несмышленная девочка и отважный, закаленный невзгодами искатель приключений. Ее круглое личико и его худое костлявое лицо были обращены к безоблачным небесам и выражали искреннюю покорность грозному божееству, в чьей власти они очутились, а два голоса – один тоненький и чистый, другой низкий и грубый – слились в возносимой ему мольбе о милости и прощении. Завершив ритуал, они снова устроились под сенью огромного валуна, и вскоре ребенок задремал, прикорнув к широкой груди своего защитника. Тот некоторое время охранял ее сон, но потом природа взяла свое. Долгих три дня и три ночи он не позволял себе ни минуты отдыха – и теперь веки медленно опустились на усталые глаза, а голова стала клониться все ниже и ниже на грудь, пока седая борода мужчины не смешалась с золотыми кудряшками его спутницы и оба они не погрузились в глубокий и мирный сон без сновидений.

Если бы скиталец сумел продлить свое бодрствование хотя бы на полчаса, его взору представилось бы странное зрелище. Далеко-далеко, на самом краю соляной равнины, показалась крохотная струйка пыли – сначала она была едва заметной в полуденном мареве, но постепенно делалась все выше и шире и наконец превратилась в плотное, хорошо различимое облако. Это

облако продолжало неуклонно увеличиваться, покуда не стало ясно, что его могло поднять лишь несметное множество движущихся существ. В более плодородных землях наблюдатель решил был, что на него на двигается одно из тех гигантских бизоньих стад, что пасутся в прериях. Но в этой бесплодной местности такое, очевидно, было невозможно. По мере приближения клуба пыли к одинокому холму, на котором нашли приют двое несчастных странников, в туманной пелене стали вырисовываться очертания крытых парусиной фургонов и силуэты вооруженных всадников – это был огромный караван, направляющийся на запад. Караван, но какой! Когда его голова достигла предгорий, хвост еще даже не появился на горизонте. Через всю необъятную равнину протянулась эта живая цепь – фургоны и телеги, верховые и пешие. Бесчисленные женщины брели, согнувшись под бременем своей ноши, а их дети шагали рядом с фургонами или выглядывали из-под белых пологов. Это явно была не обычная группа переселенцев, а целый народ, волею обстоятельств принужденный искать себе новое место обитания. Вся эта огромная людская масса двигалась с шумом и громыханием, под скрип колес и ржание лошадей. Однако даже эти звуки, далеко разносящиеся в чистом воздухе, были недостаточно громкими для того, чтобы разбудить усталых путников на холме.

Во главе колонны ехали десятка два или больше мужчин с серьезными, словно высеченными из камня лицами, в простых одеяниях темных тонов и с ружьями на плечах. У подножия возвышенности они остановились, чтобы провести короткое совещание.

– К источникам надо идти направо, братья, – сказал один из них, чисто выбритый, с суровыми складками около рта и проседью в волосах.

– Направо от Сьерра-Бланко – так мы выйдем к Рио-Гранде, – подтвердил другой.

– Не бойтесь остаться без воды! – воскликнул третий. – Тот, кто смог добыть ее из камня, не бросит свой избранный народ.

– Аминь! Аминь! – дружно откликнулись все.

Они уже тронулись было дальше, но тут один из самых молодых и остроглазых издал предостерегающий возглас и указал на зубчатый выступ над ними. Там трепыхался клочок розовой материи, ярко выделяющийся на фоне серых скал. При виде его всадники тут же осадили коней и скинули с плеч винтовки, а свежие верховые из середины колонны галопом пустились на подмогу своему авангарду. На всех устах было одно слово – краснокожие.

– Здесь не может быть много индейцев, – сказал пожилой человек, которого, похоже, слушались остальные. – Пауни уже позади, а других племен мы не встретим, пока не перевалим через горы.

– Можно мне пойти посмотреть, брат Стенджерсон? – спросил кто-то из группы.

– И мне! И мне! – воскликнула еще дюжина голосов.

– Оставьте лошадей здесь, мы вас подождем, – ответил старший.

В одно мгновение молодые спешили, привязали лошадей и полезли по обрывистому склону к предмету, возбуждавшему их любопытство. Они двигались скоро и бесшумно, с уверенностью и сноровкой опытных разведчиков. Люди на равнине смотрели, как они перепрыгивают со скалы на скалу, пока их фигуры не появились на гребне холма. Всех опередил юноша, первым поднявший тревогу. Вдруг следующие за ним увидели, как он всплеснул руками, будто в сильнейшем изумлении. Догнав товарища, они были не меньше его потрясены картиной, которая открылась их глазам.

На небольшой площадке, венчающей скалистый холм, лежал одинокий гигантский валун, а под ним – высокий и невероятно исхудавший человек с длинной бородой и резкими чертами лица. Его мерное дыхание и безмятежный вид говорили о том, что он крепко спит. Рядом с ним устроился ребенок, чьи округлые белые ручки обнимали смуглую жилистую шею мужчины, а головка с золотистыми волосами покоилась на вельветиновой куртке, прикрывающей его грудь. Это была девочка; между ее розовыми губками, на которых играла счастливая детская улыбка, поблескивал ровный ряд белоснежных зубов. Ее пухлые маленькие ножки в белых носочках

и аккуратных туфельках со сверкающими пряжками странно контрастировали с длинными высохшими конечностями ее спутника. На каменном карнизе над этой удивительной парой застыли в мрачном ожидании три канюка; заметив новопробывших, они с хриплым разочарованным карканьем снялись с места и нехотя полетели прочь.

Крики мерзких птиц разбудили спящих, и они стали удивленно озираться кругом. Мужчина вскочил на ноги и посмотрел вниз, на равнину, которая была абсолютно безжизненна, когда его сморил сон, и на которой теперь во множестве толпились люди и кони. На лице его появилось недоумение, и он провел по глазам своей костлявой рукой.

– Наверно, это и есть предсмертный бред, – пробормотал он себе под нос.

Девочка стояла рядом, вцепившись в полу его куртки, и молчала, жадно глядя вокруг любопытным, вопросительным взглядом.

Молодым людям удалось довольно быстро убедить скитальцев в том, что появление спасательного отряда – не мираж. Один из них взял девочку и посадил к себе на плечо, а двое других повели к фургонам ее изможденного спутника, поддерживая его за локти с обеих сторон.

– Меня зовут Джон Ферриер, – объяснил он. – Было нас двадцать один человек, а уцелели только я да эта малышка. Все остальные перемерли от голода и жажды там, на юге.

– Она твоя дочь? – спросил кто-то.

– Теперь да, – вызывающе заявил тот. – Она моя, потому как я ее спас. Никому ее не отдам. С этого дня и навсегда она Люси Ферриер. А вы кто? – продолжал он, с любопытством озирая своих рослых, загорелых спасителей. – Числом-то вас, похоже, немало.

– Тысяч десять будет, – сказал один из юношей. – Мы гонимые дети Господа – избранный народ ангела Морония.

– Никогда о таком не слыхал, – отозвался скиталец. – Но, я гляжу, избранных у него порядочно.

– Не шути над тем, что свято, – сурово промолвил другой. – Мы верим в священные письма, начертанные египетскими буквами на золотых таблицах, переданных в руки пророку Джозефу Смиуту близ Пальмиры. Мы пришли из города Нову в Иллинойсе, где воздвигли свой храм. Мы ищем убежища от тирана и безбожников, будь оно даже в сердце пустыни.

Имя Нову явно вызвало у Джона Ферриера какие-то воспоминания.

– Понимаю, – сказал он. – Вы мормоны.

– Да, мы мормоны, – в один голос подтвердили его собеседники.

– И куда вы идете?

– Мы не знаем. Нас ведет длань Господня в обличье нашего Пророка. Ты должен предстать перед ним. Он скажет, что с тобой делать.

К этому моменту они уже достигли подножия холма, и вокруг них сгрудились паломники – робкие бледнолицые женщины, крепкие смеющиеся дети и встревоженные мужчины с серьезными глазами. Увидев, как мала заблудившаяся девочка и как истощен ее старший товарищ, многие не сдержали возгласов удивления и сочувствия. Однако юноши не остановились, а зашагали дальше в сопровождении огромной толпы мормонов. Наконец они пришли к фургону, который был заметно больше, ярче и наряднее остальных. В него были запряжены шесть лошадей, тогда как прочие упряжки состояли только из двух или в редких случаях из четырех. Рядом с кучером сидел человек не старше тридцати лет, но его массивная голова и решительное выражение лица ясно говорили о том, что это и есть предводитель. Он читал книгу в коричневом переплете, однако при приближении толпы отложил ее в сторону и внимательно выслушал весь рассказ о случившемся. Затем повернулся к странникам.

– Если мы возьмем вас с собой, – торжественно произнес он, – вы должны будете принять нашу веру. Мы не допустим волков в свое стадо. Пусть лучше ваши кости побелеют здесь, в этом диком краю, чем вы окажетесь той червоточиной, которая со временем может стубить весь плод целиком. Пойдете ли вы с нами на таких условиях?

– Пожалуй что пойду на любых, – сказал Ферриер так выразительно, что даже солидные старейшины невольно заулыбались. Один лишь предводитель сохранял суровый и внушительный вид.

– Возьми его, брат Стенджерсон, и ребенка тоже, – сказал он. – Накорми и напои обоих. Кроме того, я поручаю тебе обучить их нашим священным заповедям. Но мы теряем драгоценное время. Вперед, к земле обетованной!

– Вперед! Вперед! – подхватили мормоны, и этот призыв волной покатился по каравану, передаваясь от соседа к соседу, пока не стих, превратившись в невнятный ропот где-то вдалеке. Защелкали бичи, заскрипели колеса, и вскоре весь караван снова пришел в движение. Старейшина, которому вверили присмотр за двумя новообращенными, привел их к своему фургону, где уже была готова трапеза.

– Вы останетесь здесь, – промолвил он. – Через несколько дней к вам вернутся силы. А пока помните и не забывайте, что отныне вы одной с нами веры. Так сказал Бригем Янг⁸ устами которого говорит Джозеф Смит, а его глас – это глас Божий.

Глава вторая ЦВЕТOK ЮТЫ

Здесь не место описывать лишения и невзгоды, выпавшие на долю мормонов-переселенцев на их многотрудном пути. От берегов Миссисипи до западных отрогов Скалистых гор шли они с беспримерной целеустремленностью, достойной запечатления в анналах истории. Кроважидные дикари и кроважидные хищники, голод, жажда, усталость и болезни – все препоны, которые чинила им мать-природа, – преодолевались с истинно англосаксонским упорством. Однако долгое путешествие с его многочисленными испытаниями подточило волю даже самых стойких из этих людей. Не один из них рухнул на колени и от всей души возблагодарил Господа, когда перед ними открылась широкая, залитая солнцем долина Юты, а в ушах прозвучали слова их предводителя, что край обетованный достигнут и эти девственные земли будут принадлежать им до скончания века.

Янг быстро доказал, что он умелый руководитель и решительный властелин. Очень скоро на свет появились карты и наброски плана будущего города. Участки земли под фермы были размечены и распределены среди членов общины в соответствии с их заслугами и положением. Торговцы занялись своим делом, ремесленники – своим. Городские улицы и площади рождались словно по мановению волшебной палочки. В долине полным ходом шли работы по осушению и огораживанию, затем фермеры принялись пахать и сеять, и на следующее лето повсюду зазолотились пшеничные нивы. Весь край процветал под эгидой этих странных колонистов – и огромный храм, который они воздвигли в центре города, с каждым месяцем становился все выше и краше. От первого проблеска зари до последних закатных лучей на месте, избранном колонистами для воздания хвалы Тому, кто уберег их от множества напастей, не смолкали стук топора и визг пилы.

Двое спасенных, Джон Ферриер и девочка, разделившая с ним все превратности судьбы и официально признанная его дочерью, сопровождали мормонов до конца их великого переселения. Малышка Люси Ферриер с относительным удобством устроилась в фургоне старейшины Стенджерсона в компании трех его жен и сына – упрямого, развитого не по годам двенадцатилетнего мальчика. Со свойственной детям душевной гибкостью она быстро оправилась от потрясения, вызванного смертью матери, стала любимицей женщин и привыкла к новой жизни в передвижном домике под парусиновой крышей. Тем временем Ферриер, восстановивший утраченные силы, зарекомендовал себя опытным проводником и неутомимым охотником.

---

⁸ Янг, Бригем (1801–1877) – глава мормонской общины после смерти ее основателя, Джозефа Смита.

Он очень скоро завоевал уважение своих новых товарищей, и по окончании их совместных странствий было единодушно решено, что он заслуживает столь же обширного и плодородного земельного надела, как и любой другой переселенец, за исключением лишь самого Янга, а также четверых главных старейшин – Стенджерсона, Кембалла, Джонстона и Дреббера.

На полученной таким образом ферме Джон Ферриер сложил из бревен добротный дом, который в последующие годы благодаря многочисленным пристройкам превратился в просторный особняк. Джон был человеком практического склада, сметливым и сноровистым в работе. Его железное здоровье позволяло ему денно и нощно трудиться над улучшением и возделыванием своих земель. Неудивительно, что подобное усердие приносило обильные плоды. Через три года он опередил соседей, через шесть сделался зажиточным фермером, через девять стал настоящим богачом, а через двенадцать во всем Солт-Лейк-Сити не нашлось бы и дюжины человек, которые могли с ним сравниться. От широкого внутреннего моря до отдаленных Уосачских гор не было имени известнее, чем имя Джона Ферриера.

В одном и только одном отношении задевал он чувства собратьев по вере. Никакие убеждения и уговоры не могли подвигнуть его на то, чтобы обзавестись одной или несколькими супругами по примеру своих товарищей. Он никогда не объяснял причин такого упорства, довольствуясь тем, что стойко и непреклонно придерживался раз принятого решения. Одни упрекали его в не слишком ревностной приверженности новой религии, другие полагали, что всему виной алчность и нежелание брать на себя дополнительные расходы. Были и такие, кто высказывал догадки о давнем романе и белокурой красавице, чахнувшей на берегах далекой Атлантики. Но, какими бы ни были его резоны, Ферриер оставался верным обету безбрачия. Во всех прочих житейских вопросах он следовал заветам религии колонистов и пользовался репутацией порядочного и богобоязненного человека.

Люси Ферриер выросла в бревенчатом доме, помогая своему приемному отцу во всех его начинаниях. Прозрачный горный воздух и смолистый аромат сосен заменили девочке мать и няню. С каждым годом она становилась выше и стройнее, на ее щеках все ярче розовел румянец, а шаг делался все более упругим. Редкий путник, идущий по большой дороге мимо усадьбы Ферриера, не испытывал прилива давно забытого волнения, когда видел гибкую фигурку девушки, будто скользящую по пшеничному полю, или встречал ее верхом на отцовском мустанге, которым она правила со всей легкостью и грацией истинной уроженки Запада. Так бутон обернулся цветком, и к тому году, когда отец ее стал богатейшим из фермеров, дочь могла бы поспорить красотой с любой своей ровесницей на Тихоокеанском побережье.

Однако вовсе не отец первым обнаружил, что дитя превратилось в женщину. И здесь нет ничего необычного. Это таинственное превращение слишком неуловимо и постепенно, чтобы его можно было определить точной датой. И меньше всех знает о нем сама девушка, покуда чей-то изменившийся голос или прикосновение чьей-то руки не заставят ее сердце забиться сильнее и она не поймет со смесью гордости и страха, что внутри ее пробудилось существо иной, более глубокой природы. Мало кому не запоминаются этот день и незначительное событие, возвестившее о заре новой эры. Однако в случае с Люси Ферриер это событие было важным и само по себе, даже если не брать в расчет его влияния на ее дальнейшую судьбу и на будущее многих других людей.

Оно произошло теплым июньским утром, когда Святые последних дней⁹лопотали как пчелы, – недаром они избрали своей эмблемой улей. И в полях, и на улицах стоял монотонный гул человеческого труда. По пыльным трактам тянулись длинные вереницы тяжело нагруженных мулов, ибо в Калифорнии вспыхнула золотая лихорадка, а путь туда пролегал через Город избранных. Вперемежку с мулами брели гурты овец и быков, которых гнали домой с отдаленных пастбищ, и группы усталых переселенцев – люди и кони, одинаково уставшие от своего

---

⁹ Официальное название объединения мормонов – Церковь Иисуса Христа Святых последних дней.

нескончаемого путешествия. И в этой пестрой толпе, прокладывая себе дорогу с ловкостью прирожденной наездницы, скакала Люси Ферриер – ее щеки покраснелись на свежем воздухе, длинные каштановые волосы развевались на ветру. Отец отправил ее в город с очередным поручением, и она, как бывало уже много раз, ринулась выполнять его со всем бесстрашием юности, думая лишь о цели своей поездки и о том, как лучше ее достигнуть. Видавшие виды странники провожали ее восхищенными взглядами, и даже бесстрастные индейцы, везущие на продажу пушнину, забывали о своей привычной невозмутимости, изумляясь прелести бледнолицей девы.

Она добралась до окраины мормонской столицы, когда дорогу ей преградило огромное стадо скота, которое перегоняли с равнин полдюжины отвыкших от цивилизации пастухов. Снедаемая нетерпением, она попыталась миновать препятствие, пустив своего коня в открывшуюся впереди брешь. Но едва она это сделала, как животные снова сомкнули свои ряды за ее спиной, и она очутилась в плотном потоке свирепо косящихся на нее длиннорогих быков. Выросшая на ферме, она нимало не смутилась и продолжала погонять лошадь, надеясь постепенно выбраться из неприятной ситуации. К несчастью, рога одного из животных то ли случайно, то ли по злему умыслу вонзились в бок мустанга, и тот взвился как бешеный. Яростно захрапев и встав на дыбы, он принялся скакать и метаться так неистово, что непременно сбросил бы с себя менее опытного седока. Дело принимало дурной оборот. Шарахаясь из стороны в сторону, возбужденная лошадь снова и снова натыкалась на бычьи рога, и это пугало ее еще больше. Всех усилий девушки хватало лишь на то, чтобы удержаться в седле, но малейшая оплошность грозила ей ужасной гибелью под копытами неповоротливых, охваченных паникой животных. Она не привыкла к таким испытаниям, и вскоре голова у нее закружилась, а рука, сжимающая повод, начала слабеть. Задыхаясь в облаке пыли и испарений от разгоряченных быков, она уже не чаяла спастись, но вдруг у ее локтя раздался уверенный голос, говорящий, что помощь пришла. В тот же миг чья-то загорелая жилистая рука взяла ее испуганного коня под уздцы и, силой протаскив его между быками, вывела на обочину дороги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.